

Дарья Донцова

Мретий глаз-алмаз

Любительница частного сыска
Даша Васильева

Великолепная
восьмерка

от Дарьи Донцовой

**НУЖНО
СОБРАТЬ
САМОМУ!**

Дарья Донцова
Третий глаз-алмаз
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 33

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169635
Третий глаз-алмаз: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-30639-8

Аннотация

Даша Васильева вновь попадает в водоворот жутких событий: графоман Владимир Мерзкий решает, что она должна «продвигать» его роман. А когда Даша пытается увильнуть, начинает грозить осуществить то, о чем написано в «шедевре», – похитить и убить ребенка. Правда, чужого: Аркадий и Маня себя в обиду не дадут, это всем известно! Увы, ни логика, ни доводы рассудка не работают, когда имеешь дело с сумасшедшим. Да еще и не с одним! Постепенно выясняется – Даша попала в крайне странное окружение. Все отношения между новыми знакомыми Васильевой замешены на ненависти. А от ненависти до убийства, как известно, один шаг. Ситуация так сложна, что даже полковник Дегтярев, вечно недовольный самодеятельностью любительницы частного сыска, на этот раз готов ее слушаться!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	53
Глава 6	69
Глава 7	78
Глава 8	92
Глава 9	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дарья Донцова

Третий глаз-алмаз

Глава 1

Водительский стаж способствует любви к пешеходам.

Увидев, как с обочины на дорогу метнулась серая тень, я мгновенно нажала на педаль. Моя «букашка» резко остановилась, меня, бедную Дашутку, бросило вперед, голова стукнулась о руль. Пешеход, из-за которого мне пришлось внезапно затормозить, исчез в сетке дождя. Я перевела дух и стиснула зубы, стараясь подавить отнюдь не литературные выражения, которые крутились на языке. Говорят, что, произнесенные тобою вслух, они здорово портят твою же карму. Не знаю, но мне кажется, что ругательства, не произнесенные вслух, здорово портят нервы.

Я выпрямилась и попыталась сделать несколько вдохов-выдохов, но горло словно стиснули невидимые железные пальцы, а сердце колотилось так, будто я пробежала без остановки десять километров, держа в руках мопса Хуча. Когда я отдышалась, у меня едва хватило сил на то, чтобы отогнать машину к обочине и взять бутылку минералки.

Мало-помалу руки перестали трястись, на смену страху пришло негодование. Нет, вы видели этого идиота? Или идиотку? Я и разобрать не успела, кто это был! На улице моросит мелкий противный дождь, августовский день тихо клонится к ночи, дорога мокрая, видимость почти нулевая, а человек, выросший перед капотом моей малолитражки, нацепил серую толстовку с капюшоном, темные брюки и ринулся через дорогу в паре метров от подземного перехода! Лень ему было спуститься по ступенькам, решил сэкономить драгоценные силы и чуть под колеса не угодил. Еще хорошо, что я, проведя много лет за рулем, являюсь тихим, боязливым, абсолютно неагрессивным водителем. А если бы сейчас по плохо освещенной магистрали летел на темном мощном джипе мой сын Аркадий? Я снова затряслась и схватилась за бутылку с водой. Конечно, Кеша адвокат и легко отобьется от всех обвинений... Впрочем, даже я знаю: если около знака «подземный переход» под колеса вашей тачки попадает кретин, решивший пересечь дорогу поверху, водителя не привлекут к уголовной ответственности. Но как жить дальше, зная, что ты, пусть и случайно, убил человека? Скорее всего, бесполое существо, похожее на гигантскую мышь, было в наушниках, наслаждалось музыкой... О люди! Запомните: заткнутые уши могут стать причиной беды на дороге! Вы просто не услышите шума, не успеете сообразить, что за спиной газует машина. Не все водители асы, кое-кто в момент стресса путает педали газа и тормоза! Неужели вам трудно

спуститься в переход, прорытый заботливыми московскими властями ради сохранения вашей безопасности, а?...

В ту же секунду за спиной прозвучал резкий гудок. Сердце снова прыгнуло в горло. Трамвай! Господи, я запарковалась на рельсах и сейчас сама стану причиной ДТП. Я вздрогнула и тут же сообразила: по Ленинградскому шоссе давно не ездят трамваи, а это гудит мой телефон, который Маня вчера оснастила ужасающим звонком, весьма успешно имитирующим звук неотвратимо надвигающегося транспортного средства.

– Мусик, ты никогда не берешь трубку, – говорила моя девочка, засовывая мне утром в сумку мобильный, – потому, что телефон слишком тихо звенит. Теперь проблем не будет.

И точно, я чуть с ума не сошла, когда сотовый заорал в первый раз. Наверное, теперь буду постоянно хвататься за сердце, когда кто-нибудь захочет со мной связаться! Надо попросить Маню вернуть прежнюю мелодию, такую незатейливую – блям, блям, блям. Конечно, она есть у многих, и я часто, вытащив мобильник, понимаю, что он молчит, а звонок раздается у кого-то из окружающих, но лучше уж лишний раз схватить телефон или вовсе проигнорировать его, чем в страхе шарахаться в сторону, думая, что на тебя накатывает многотонная махина, набитая пассажирами. Нет, сейчас же соединюсь с Маней и скажу ей... скажу... скажу...

Вскипевшее раздражение неожиданно улеглось. Я вытащила из пачки сигарету. Маруська ни в чем не виновата, она

хотела как лучше, долго сидела в Интернете, отыскивая мелодию поприкольней. Что же касается пешехода, то это не первый и, увы, не последний идиот, попавшийся мне на дороге. Просто сегодня, увы, понедельник. Я спокойно отношусь к приметам. Рука моя не дрогнет, посыпая солью зеркало, разбитое в пятницу, тринадцатого числа, после чего я отправлюсь в кино в радужном настроении, да еще и надену футболку наизнанку. Самое интересное, что ничего плохого со мной потом не произойдет!

Но сегодняшний понедельник полностью оправдал поговорку про тяжелый день.

Позавчера вечером у Хуча случился приступ артрита. Если ваша собака вышла из щенячьего возраста, то эта напасть может случиться с ней в любой момент! Слава богу, у нас есть ветеринар Дениска, который давно подсказал мне два замечательных гомеопатических средства. Вот я и поехала в аптеку, чтобы пополнить запасы лекарств, хотя выезжать из Ложкина в Москву не очень-то и хотелось. В августе столица напоминает ад: жара, грязь, духота, толпы туристов. Но вчера неожиданно похолодало, и зной ушел. К тому же артрит Хуча не может ждать, пока начнется милая моему сердцу сентябрьская прохлада.

А еще мне пришлось срочно зарулить в агентство «Подруга». Сегодня утром наша домработница Ирка и ее муж, по совместительству садовник Иван, благополучно отбыли в отпуск. Мы купили им замечательную путевку – отправи-

ли на целый месяц на Мальдивы. Правда, Ира отчаянно сопротивлялась, без конца выдвигая аргументы, почему ей ни в коем случае нельзя покидать дом. За пару часов до того, как Кеша повез супружескую пару в аэропорт, между нами состоялся такой разговор.

– Вы не справитесь с хозяйством, – ныла Ирка.

– Ерунда, – отмахнулась я.

– В прошлый раз, когда вы меня в Чехию выперли желудок лечить, Дегтярев сломал СВЧ-печку!

– Он бы ее и при тебе испортил, – возразила я.

Ирка нахмурилась и стала перечислять прочие наши преступления:

– Синее постельное белье постирали с белым, пришлось выкинуть оба комплекта, серебряную сахарницу потеряли железной губкой, ковер в гостиной обработали пеной для ванны, он потом полгода пузырился, в кладовке завелась пищевая моль, а собаки отощали!

Я уперла руки в боки и разбила аргументы Ирки:

– Псам полезно потерять немного жира, сахарница вовсе не из серебра, и вообще, ее мне подарила одна противная баба, поэтому черт с ней! Выбросить полезную в хозяйстве вещь было жалко, а изувеченная проволочной мочалкой, она отправилась в помойку, к полному моему удовольствию! Про палас ничего не скажу, я никаких пузырей не видела! Что же касается постельного белья, то тут, да, я согласна! Некогда белые простыню, пододеяльник и наволочку

пришлось пустить на тряпки, но зачем ты уничтожила синий комплект? Он-то, прокрутившись вместе с белым, хуже не стал?!

Ирка опечалилась, и тут в разговор влез Иван.

– Если так деньгами швырять, – вздохнул он, – всех на Мальдивы отправлять, то вообще в нищете помрете!

– Замолчи, – заткнула ему рот Ирка, – уж как-нибудь мы Дарь Иванне бутылочку кефира на свои сбережения купим!

– С ней одними кисломолочными продуктами не обойдешься, – возразил Иван, – бензин на машину понадобится, детективы читать захочет, одеваться! Никаких наших накоплений не хватит.

– Прекрати, – гаркнула Ира, – к старости люди дуреют! Она будет старые книги читать, они ей новыми покажутся, вона их скока, полки до неба! И одежды хватит, я запасливая, скажет туфли вышвырнуть, дескать, мода прошла, а я их помою, газеткой набью и под крышей спрячу! На старость придержу!

После этих слов я лишилась дара речи. Слава богу, появился Аркадий и увел сладкую парочку. Очень надеюсь, что ни Ирка, ни Иван не станут спорить в машине... А ведь они и не предполагают, что окажутся не в номере однозвездочного отеля, а на вилле. Чтобы не вызвать очередную волну негодования, я заявила нашим скупердьям:

– Ваш отпуск вместе с перелетом стоил всего пятьсот долларов!

Иван, никогда не бывавший на океане, испугался и спросил:

– Это не дорого?

А более адекватная Ирка заподозрила неладное и вздернула вверх брови.

– Да?

– Да! – кивнула я. – Самое дорогое – это билеты, но вы полетите charterом, в неудобное время, с пересадкой, да еще и самолетом арабской авиакомпании. Кстати, на Мальдивах гостиницы копеечные, потому что это шалаши.

– Ладно, – поверила мне домработница, а я живо убежала в свою комнату.

«Арабская» компания владеет самолетами, приписанными к Дубаю, и является одной из самых надежных в мире. Да и «шалашик» я нашла неплохой: четыре комнаты, две ванных, парочка бассейнов, все включено, даже многочисленные СПА-процедуры.

И вот сейчас Ирка и Иван уже летят где-нибудь над... увы, у меня географический кретинизм. Мальдивы – это в сторону Европы или по направлению к Японии? Впрочем, какая разница!

Но вернемся к домашним проблемам.

Вчера агентство «Подруга» должно было прислать нам временную домработницу, Ира хотела рассказать ей, где что лежит, как убирать комнаты, гладить, готовить. Но никто так и не появился, поэтому сегодня я сначала съездила в аптеку,

а потом направилась в контору, чтобы сурово спросить:

– Господа! Где помощница по хозяйству? Счет оплачен полностью! А никого нет!

– Как нет? – поразились служащая.

– Просто, – пожала я плечами.

– Сейчас разберемся, – засуетилась тетка.

– Очень на это надеюсь, – сказала я, – кстати, мой сын Аркадий лучший московский адвокат, вот его визитка. Если до вечера к нам не приедет нанятый сотрудник, вашему агентству придется платить штраф и возмещать нам моральный ущерб!

– Немедленно займусь вашей проблемой, – пообещала администратор.

Час назад я звонила домой, и Маруся сообщила:

– Никого не прислали, я сама варю на ужин яйца!

К сожалению, в Москве полно фирм, арендующих офисы с мраморными полами и пушистыми коврами, но на этом вся красота и заканчивается. С клиентами они работать не хотят, диву даешься, почему подобные конторы до сих пор не разорились.

Телефон заорал, я вздрогнула и взяла трубку.

– Алло.

Послышался треск, крихтение и далекий голос:

– ...ша?

– Да, слушаю, – заорала я, – это кто?

– Лена, – неожиданно четко прозвучало в ответ, – Лена.

– Кто? – надрывалась я.

– Лена... тюк... подруга... Лена... подруга... тюк!

И тут меня осенило! Ленка Костюк!

– Привет! – закричала я. – Как твои дела?

– ...скоро будет, – пробилось сквозь помехи Ленкино mezzo-сопрано, – Саша! Саша! Имя – Саша Мироненко... песня... Саша.

– Да, да, – завопила я. – Не волнуйся! Отлично!

Лена Костюк когда-то работала вместе со мной в институте. На заре перестройки она, как многие преподаватели, бросила вуз и занялась бизнесом. Сейчас у нее продюсерский центр в Киеве, Костюк раскручивает эстрадных звезд, иногда ей это даже удается. Месяц назад Лена звякнула мне и попросила:

– Сделай одолжение, пригрей перспективного человечка – Сашу Мироненко.

– Ну... ладно, – без особого энтузиазма согласилась я.

Если честно, меня не грела мысль о присутствии в доме постороннего человека, но отказать подруге было неудобно.

– Я всегда снимаю своим подопечным квартиру, – зачастила Ленка, – но Саша особая статья, очень уж тонкая личность, нервы обнажены, может сломаться, люди нынче злые. В особенности достается тем, у кого нестандартная внешность! Очень прошу, помоги ему! Я уеду на месяц с мужем в экспедицию, там отвратительная связь, на этот раз Андрей затеял раскопки в джунглях, дозвониться до Москвы будет

сложно, и я умру от тревоги: как там Сашуля? А если буду знать, что наш серебряный голос, редкостный талант у тебя, то спокойно проведу время с мужем.

– Ладно, – согласилась я, – пусть приезжает.

И вот теперь, похоже, «серебряный голос, редкостный талант» со всех ног несется в Ложкино. Интересно, что имела в виду Ленка под нестандартной внешностью?

Я нажала на газ и поспешила домой.

В прихожей витал запах горелого. Похоже, кто-то из домашних безуспешно пытался сделать ужин. Не успела я сбросить туфли, как из коридора вырулил Снап и с укоризной глянул на меня.

– Чем ты недоволен, милый? – осведомилась я. – Вашему величеству, впрочем, как и всей стае, небось дали еду из банки, а вот людям, судя по аромату, не так повезло!

– Кто там? – заорала Зайка, вылетая из кухни со здоровенным ножом в руке.

– Всего лишь Даша! Спокойствие! – попятилась я.

Ольга выпатила нижнюю губу.

– Завтра ни за что не останусь дома! Целый день носилась по этажам! Постоянно приходили какие-то люди. Охрана принесла квиток на оплату жилплощади, слесарь хотел сделать профилактический обход дома, из магазина привезли собачьи консервы, джакузи засорилась, и где, скажи на милость, у нас включается утюг? И кто установил на кухне идиотскую плиту? Она горит синим пламенем!

– У нас пожар? – испугалась я.

– Нет, – фыркнула Зайка, – просто вся еда моментально чернеет, едва кастрюля или сковородка оказываются на конфорке! Ума не приложу, как Ирка со всем справляется!

– Думаю, утюг надо просто воткнуть в розетку, – подавляя улыбку, ответила я.

– Уж я не дура! – скривилась Зайка. – Да только он не нагревается!

– Попробую разобраться.

– Очень хорошо, – заявила Ольга, – кстати, поскольку я сомневаюсь, что ты знаешь, где утюг, сообщаю: он в кладовке на втором этаже!

– Скоро придет временная домработница, – сказала я.

– Надеюсь! – рывкнула Ольга и убежала.

Из гостиной высунулся Дегтярев.

– Где мои носки? – спросил он.

– Явно не на журнальном столике у телика, – вздохнула я, – поищи в спальне.

– Там их нет, – ответил Александр Михайлович.

– В ванной? – предположила я.

– Отсутствуют, – отрапортовал полковник.

– У тебя пропали все носки?

– Пара серого цвета.

– Возьми другие, черные!

– Под светлые брюки и мокасины? – возмутился толстяк.

– Хорошо, – я решила не затевать склоки, – возьми из

ящика еще одну серенькую пару, и дело с концом.

– Других такого цвета у меня нет, – уперся полковник.

– Куда задевалась коробка со шприцами? – прибежала возмущенная Маша. – Хучу пора делать укол!

– На посудомойке всего четыре кнопки, – возвестил Кеша, выходя в холл, – я нажимал все по очереди, но она не пашет!

– Если в ближайшее время не придет домработница, разбирающаяся в бытовой технике, мне придется изучать все инструкции! – в ужасе воскликнула я. – Дегтярев, ты умеешь включать утюг?

– Подумаешь, – фыркнул полковник, – сунул вилку в розетку, и готово. Кстати, я делаю стрелку на брюках без всяких заморочек!

– Каким образом? – заинтересовалась я.

– Берешь штаны, складываешь их правильно, кладешь под матрас и спишь спокойно ночку, – заявил толстяк. – Утром надеваешь красивые брючата.

– Отличный способ, но он не годится для шелковых блузок, – вздохнула я.

– Тетка, которая заменит Иру, уже едет, – успокоил меня полковник.

– Откуда ты знаешь? – обрадовалась я.

– Часа два назад звонили из агентства «Подруга», – зевнул Дегтярев, – сказали, что к нам направили Амару, она у них лучшая из временных домработниц! Талант! Звезда! Вот только у нее какая-то проблема с внешностью. Я не по-

нял. Наверное, из-за погоды связь прерывалась.

– Сегодня весь день были проблемы со связью, – согласилась я, – а что у нее такое? Что-нибудь не то с лицом?

– Не знаю, – ответил толстяк. – Они сказали, если нам она не подойдет, пришлют другую. Но, может, беда не с физиономией, а, например, с ногами! Хромая, скажем. Какая разница! Лишь бы хорошо работала!

– Твоя правда, – улыбнулась я.

– Звонок! – поднял голову Дегтярев. – Во! Прибыла!

Я кинулась в прихожую. Ура! Мои слова о сыне, лучшем адвокате города Москвы, и недвусмысленный намек на штраф повлияли на администратора фирмы, и нам живо прислали самую лучшую прислугу! Надеюсь, она отлично разбирается в бытовой технике!

Я открыла дверь и замерла с разинутым ртом и выпученными глазами. Понятно теперь, почему прислугу зовут странным для Москвы именем Амара и что имела в виду сотрудница агентства, упомянув о проблеме с внешностью.

Глава 2

Двухметровый лилово-черный негр раздвинул толстые губы и на чистейшем русском языке сказал:

– Здравсти. Мне нужна Даша Васильева!

Я попыталась прийти в себя. Лицо африканца вытянулось.

– Меня прислала «Подруга», – чуть тише сказал он. – Это Ложкино? Дом Даши Васильевой, так? Сказали... мне сюда... прямо сразу... без задержки.

Я тупо пялилась на парня. Мало того, что он похож на бабклажан, так еще и одет самым немыслимым образом: вообразите – красный костюм с золотыми пуговицами и ярким шитьем.

– Вас смутил цвет моей кожи? – спросил прибывший. – Тогда, наверное, мне лучше уехать!

Тут я опомнилась.

– При чем здесь кожа? Просто я ожидала женщину!

– Я не мужчина, – испуганно замахал руками негр, – нет.

– А кто? – изумилась я.

– Просто человек! Абсолютно нормальный, – замямлил африканец, – но, если вас не устраивают мой пол и внешность, я уйду! Я привык, что произвожу, извините, впечатление... Моя мама белая, а папа был студент из Нигерии. Но русский язык мне родной! Я ходил в московскую школу, и потом мама переехала на Украину, и я решил...

– Входите, Амара, – перебила я парня, – гладить умеете?

– Утюгом? – уточнил парень.

– Естественно!

– Да, да, – заверил он (я подумала, что его костюм, наверное, должен изображать ливрею). – Вы не нахвалитесь!

– Вот и отлично, – обрадовалась я, – нам очень нужен человек, который умеет вести домашнее хозяйство. Идет? Работаете ударно месяц – имеете премию! Еда и жилье бесплатно!

– Да, да! – затряс головой Амара. – Во мне не сомневайтесь.

– Муся, – заорала Маша, выбегая в прихожую, – ой, а это кто?

Я живо пнула Марусю и строго сказала:

– Познакомься, пожалуйста. Это Амара. Он у нас месяц поработает: готовка, стирка, уборка, ну и так далее. Амара, это Маша, моя дочь.

– Рада знакомству, – кивнула Маруська и протянула негру руку, – привет! Тебе уже показали твою комнату?

После секундного колебания Амара осторожно пожал Машину ладошку и густым басом сообщил:

– Нет.

– Пошли, – сказала Маня, – собак не боишься?

– Нет, – снова коротко ответил Амара.

– Я глупость спросила, – хихикнула Маня, – ты, наверное, детство с крокодилами провел!

Амара засмеялся:

– Нет, я москвич, мама белая, папа из Нигерии. У нас с мамой кошка была, Барсик! Я – кофе с молоком.

– Сейчас сделаю кофе, правда, у меня латте не очень-то хорошо получается, – пообещала Маня. – Шагай на кухню.

– Спасибо, не хочу, я не об этом. Кофе с молоком – это полукровка, – пояснил Амара, – мама белая, папа из Нигерии.

– Да хоть бабушка коза! – воскликнула Машка. – Утюг включать умеешь? Остальное – ерунда!

Я не услышала ответа Амары, потому что Маня быстро утянула парня в столовую. Слава богу, он не обиделся на заявление про бабушку-козу! И, надеюсь, Амару не оскорбило мое откровенное изумление. В агентстве тонко намекнули на экзотическую внешность служащего. Хотя мне абсолютно без разницы, какой цвет кожи у человека – хоть розовая в зеленую клеточку. В данном случае я заинтересована в другом – лишь бы у нас заработала посудомойка, а в шкафах было чистое постельное белье и хорошо отглаженные вещи.

Я сделала шаг в сторону гостиной, и тут снова ожил дверной звонок. На этот раз на пороге стояла хрупкая, даже мельче миниатюрной Зайки, светленькая девочка, очень хорошенькая, с большими прозрачными зелеными глазами, окруженными длинными черными ресницами. Крохотные ушки были усеяны колечками, в ноздре торчал «гвоздик», а на шее темнела татушка.

– Здравствуйте, – нежным, словно звук флейты, голосом пропела она, – я...

– Саша Мироненко, – подхватила я, – от Лены Костюк. Входите, солнышко, не стесняйтесь. Лена предупредила меня о вашем приезде, пока она в экспедиции, о вас будем заботиться мы. Вам какая спальня удобнее: на первом или втором этаже?

– Можно выбирать? – растерялась Саша.

– Ну конечно, – приободрила я едва вышедшую из подросткового возраста девушку, – внизу большая комната, но она темная, за окном деревья. А наверху поменьше, зато целый день солнце.

– Наверное, лучше на первом, – приняла решение Саша. Я подхватила ее саквояж.

– Пошли! Устала с дороги? Вот сюда, устраивайся! Коричневая дверь ведет в ванную, серая в шкаф, смотри не перепутай! Принимай душ, раскладывай вещи и приходи пить чай!

– Спасибо, – колокольчиком прозвенела Саша, – через пятнадцать минут прибегу.

– Можешь не торопиться, – остановила я девушку, – у нас не отель, где ужин строго по часам.

– Здорово, – сказала Саша и села на кровать.

Чтобы не мешать госте, я вышла в коридор и поторопилась на кухню. Костюк упоминала о каком-то дефекте внешности своей подопечной, но я пока ничего особенного не заметила. Нормальная, вполне симпатичная девочка, разве что

излишне худая. Похоже, она покупает себе вещи в магазине для малышей. Вот только с пирсингом Саша переборщила, и татушка на шее ужасна! Скорей всего, это и есть тот самый дефект!

В столовой не оказалось ни души. Амара, очевидно, распаковывает вещи в комнате, где раньше жила повариха Катя, Маша повела гулять собак, Зайка принимает ванну, Аркадий в кабинете изучает очередное дело, у него завтра заседание суда, а Дегтярев небось лег на кровать и усталился в телевизор. Сейчас выдам вам главный секрет полковника: он истинный фанат сериалов. Но те, что имеют в основе детективный сюжет, не трогают Александра Михайловича за душу.

– Сплошные глупости, – злится полковник, глядя, как на экране проводят следствие его киношные коллеги. – Полно нестыковок! Дашута, нет, ты только посмотри! В начале фильма герой сто раз повторил перед смертью: «Мое детское прозвище Плюшка знала только давно умершая мама!» Так откуда преступник мог узнать про имечко – Плюшка? Мама в могиле, героя убили! Ох, опять у них нескладуха!

Продолжая что-то бормотать себе под нос, толстяк щелкает пультом и с блаженным выражением лица погружается в перипетии чужих любовно-семейных страстей. Брошенные в младенчестве дети, разлученные брат с сестрой, мужа, воскресшие после падения в автомобиле с крутой горы и десять лет скрывавшиеся невесты где от своих жен, – вот это для

Дегтярева. Когда я читаю в газетах презрительные слова какого-нибудь критика: «Фу! Сериалы! Они рассчитаны на дебилок, сидящих весь день у телика», – то вспоминаю нашего полковника, который отдыхает после тяжелого рабочего дня, посмеиваясь над приключениями каких-нибудь Букиных. Похоже, критики ошибаются. Александр Михайлович не баба, и он целыми днями занят на службе. Очень сомневаюсь, что, поймав очередного убийцу-маньяка и изучив дело, наполненное леденящими душу подробностями, вкупе с такими же фотоснимками, полковник захочет посмотреть вечером гениальный документальный фильм «Обыкновенный фашизм» или кино, посвященное войне в Чечне. Лично я бы на его месте Букиным или комиссару Рексу больше обрадовалась.

Посудомоечная машина была открыта и забита грязными тарелками. Я нажала на крайнюю кнопку и захлопнула дверку. Сейчас зашумит вода, загудит мотор...

Но вместо ожидаемых звуков затрезвонил трамвай. Я бросилась к холодильнику и тут же остановилась. Дашутка, это уж слишком! На кухне нет городского транспорта, это телефон. Боже, да он еще, оказывается, и сигналы меняет. Я вытащила трубку.

– Алло!

– Сегодня понедельник, – прошептали мне в ухо.

– Да, – машинально и я понизила голос.

– Четвертое августа!

– И что?

– Понедельник, четвертое августа, включи телик, новости, на канале «КТК»¹, сию секунду, живо!

Моя спина покрылась липким потом.

– Это опять вы!

– Жми на кнопку! – прошелестел голос, и связь оборвалась.

Я осталась стоять посреди кухни с мобильным в руке.

– Я разложила вещи, чем теперь заняться? – сказала Саша, появляясь на пороге. – Ой, чего вы такая зеленая?

– Маша поставила мне звонок, имитирующий звук приближающегося трамвая, – пролепетала я, – вот я и пугаюсь.

– Попросите ее переделать, – здраво предложила Саша.

– Сделай одолжение, включи телик, – попросила я.

Гостья щелкнула пультом, экран вспыхнул голубым светом.

– ...двенадцать погибших шахтеров будут похоронены завтра, – сказала ведущая, – теперь о культуре. В Новоучанске² обрушилась крыша местного театра, погиб администратор. Здание давно требовало ремонта, но городские власти отказывали в финансировании.

– Интересно, почему фильм ужасов называется выпуском новостей? – вздохнула Саша.

– У известного продюсера Юрия Гинзбурга пропала дочь,

¹ Название канала придумано, совпадения случайны. (Прим. авт.)

² Название придумано автором, совпадения случайны. (Прим. авт.)

десятилетняя Варвара, – вещала дальше ведущая, – ее судьба пока никому не известна. Всех, кто видел Варю, просят позвонить ее родителям.

Я неотрывно смотрела на экран, на котором появились фотография смеющегося, явно очень счастливого ребенка и несколько телефонных номеров.

– И о погоде. Сегодня о ней расскажет Алена Девятова.

Ведущая исчезла, возникло изображение другой стройной девушки с указкой в руке.

– Пятого августа в столице пройдет небольшой дождь, – завела она.

Вновь заорал трамвайный звонок. Саша дернулась и уронила на пол жестянку с печеньем. Банка покатилась по полу, крышка отскочила в сторону, в ту же секунду из коридора донеслось сопение и цокот когтей о паркет – собаки спешили на кухню. Стая великолепно разбирается в звуках. Сейчас питбуль, ротвейлер, мопс, йоркшир и глухой пудель скумекали: на кухне шмякнулось на пол нечто вкусное, и если не тормозить, то есть шанс слопать лакомство.

– Ну надо же! – всплеснула руками Саша. – Где у вас венник?

Но я уже выскочила на террасу, прижала телефон к уху и сказала:

– Алло.

– Видела? – спросил противный хрипловатый тенор.

– Да.

– Если ты читала книгу, поймешь, о ком речь!

– Погодите...

– Если читала книгу, то просто поедешь туда и поможешь!

– Постойте...

– Если читала книгу... но ты ее не читала!

– Нет, – удрученно ответила я.

– И соврала!

– Я не врала! Просто не стала просить Макса!

– Почему? Книга гениальна! – шипел голос.

– Но... извините... понимаете...

– Книга гениальна, – повторил голос.

– Согласна, – закричала я, – она супер! Лучше Достоевского, Толстого и Фолкнера.

– Они писали дрянь!

– Хорошо, хорошо! Ваша правда! Я готова идти к Максу! Верните девочку!

– Нет, – зло заявил голос. – Ты не захотела мне помочь, теперь по твоей вине случится много бед. По тексту. Отгадывай, лучший знаток детективов! Кому дали «Золотого льва»? Не мне, а тебе! Ищи! Да, кстати, если подключишь к делу полковника, я переделаю сюжет книги!

– Это нечестно, – залепетала я, – она уже написана!

– Но не напечатана, – отрезал голос, – ты не помогла, и гениальное произведение не увидело свет, а в рукопись можно вносить правку. Я хозяин своих слов, хочу – даю обещание, хочу – назад забираю. Время пошло, и его мало.

– Сколько? – прошептала я.

– В книге сказано.

– Я же призналась! Я не знаю текста!

– Зачем тогда хвасталась, раздавала интервью? – вознегодовал голос. – Надо отвечать за свои слова, киса!

– Но я же читала другие произведения и честно выиграла викторину, за что и получила «Льва», – залепетала я и тут же добавила: – Ладно, извините!

– Ну уж нет!

– Принесите рукопись! Хотите, встретимся прямо сейчас?

– Зачем?

– Я отвезу ваш труд Максу!

– И что?

– Он его опубликует.

– Поздно.

– Но вы же хотели...

– Теперь нет! – отрезал голос. – У меня возникло другое желание.

– Какое?

– Наказать тебя!

– Но я не сделала ничего плохого!

– Ошибаешься. Ты не читала книгу. Ищи, – приказал голос. – В твоих руках жизнь человека! И без глупостей!

Глава 3

Я очень хорошо понимаю, в каком недоумении вы сейчас находитесь, и попытаюсь ввести вас в курс дела.

Мой бывший муж, вернее, один из моих бывших супругов, Макс Полянский³, стал весьма успешным бизнесменом. Долгое время он торговал яйцами и окорочками, заработал немалый капитал, потом вдруг превратился в продюсера, снял вполне успешный, судя по кассовым сборам, криминальный фильм и неожиданно увлекся этим процессом. А в последний год он еще и основал собственное издательство. Полянский полон энтузиазма, он мечтает стать самым крутым культурным деятелем. Максу нравятся красивые женщины, сейчас у него не помню какая жена по счету, а еще Полянский заядлый тусовщик, обожающий внимание прессы. И теперь скажите, на какого мужика быстрее клюнут белокурые нимфы: на директора птицефабрики или продюсера, режиссера, владельца издательства? Собираясь ответить на мой простой вопрос, учтите, что Макс обожает юных дев: он с большой заинтересованностью поглядывает в сторону Машиных одноклассниц. От посягательств на честь Лолит Макса останавливает лишь доскональное знание Уголовного кодекса: там никто пока не упразднял статью о растлении ма-

³ Если хотите узнать подробности биографии Макса Полянского, читайте книгу Дарьи Донцовой «Жена моего мужа», издательство «Эксмо».

лолетних. Но едва девушке исполняется восемнадцать, как она уже не охраняется законом и у Полянского развязываются руки.

Бесполезно объяснять дурочкам, которые как мухи на мед слетаются на слово «продюсер», что директор курятника, вероятно, богаче того, кто добывает средства на производство книг или съемку. Успех на ниве культуры непредсказуем. Подчас режиссер или писатель уверен в гениальности своего произведения и, потирая руки, предвкушает не только урожай всех возможных премий, но и изрядное пополнение личного счета в банке. Но публика, увы, не разделяет восторгов творца и не желает смотреть ленту или читать роман. И что происходит с продюсером, который потратил на съемочный процесс миллион долларов, а собрал в прокате менее десяти тысяч? Как будет чувствовать себя издатель, напечатавший книгу многотысячным тиражом, осевшим на складе? Некоторых предпринимателей такой «пролет» может просто убить.

Без очередного романа или нового фильма люди легко обойдутся. А вот без яиц! Они необходимы всем: омлеты, соусы, хлебобулочные и кондитерские изделия... Даже при производстве шампуня и кремов для лица нужны желтки. Или вспомним курочку и массу вкусных блюд, которые можно из нее приготовить.

Что у нас получится при подведении итогов? Девушки, бизнес на ниве культуры нестабилен, лучше выйти замуж за

директора птицефабрики. Но прекрасный пол манит экран, и, услышав волшебное слово «продюсер», сотни красавиц впадают в каталепсию и готовы на все, чтобы оказаться с человеком, который вхож в волшебный мир закулисья.

Макс, заработав деньги на яйцах и птице, вкладывает их в киноленты и книги. Его проекты бывают более или менее успешны, но в светской тусовке отношение к Полянскому резко изменилось. Моего бывшего мужа теперь рвут на части, он окружен толпами старлеток и журналисток, постоянно раздает интервью, сверкает улыбкой перед камерой и чувствует себя... нет, не звездой. Ощущения Макса более острые, он тот, кто зажигает звезды, человек, от которого зависят судьбы многих людей. Полянский еще не определился, какой вид деятельности, кино или книги, привлекает его больше, и пока работает на два фронта.

Это, как вы понимаете, присказка, а сказка началась весной. Макс отлично понимает, что интерес к новому произведению искусства надо подогреть заранее, до его выхода в свет. И абсолютно зряшное, более того, вредное дело нанимать газетчиков, которые, бойко скрипя компьютерами, напишут:

– Фильм режиссера N, снятый по великой книге писателя M, надо посмотреть всем, так как он поднимает огромной важности философские вопросы о бренности бытия.

Публика не пойдет в кинотеатры, наш народ привык воспринимать статьи в прессе с точностью до наоборот: раз хва-

лят, значит, это ужасная гадость.

А вот если написать, что актриса, играющая главную роль, затеяла интрижку с режиссером и ушла к нему, если дать интервью с брошенным супругом дивы, который в запале заявит: «Я ей волосы повыдергаю, пристрелю на месте, детей не отдам», если обвинить автора сценария в плагиате, сообщив: «Он украл диалоги, переписал анекдоты из Интернета, фильм обречен на провал...», вот тогда народ снесет в ажиотаже билетные кассы. Одни захотят посмотреть на ветреную актрису и составить свое мнение о ее красоте, другие будут ждать скандала со стороны бывшего мужа, третьи начнут выискивать в репликах персонажей отголоски народного фольклора. Черный пиар лучше белого!

Кроме того, газетчики обожают всяческие презентации, где хорошо кормят, поят, а на выходе еще и подарок дают.

Сложив все составляющие, Макс придумал фишку. Он объявил конкурс под названием «Народный детектив». Суть его состояла в следующем. В газете «Желтуха», чей тираж зашкаливает ежедневно за несколько миллионов, были опубликованы вопросы – цитаты из разных книг криминального жанра. Требовалось отгадать автора текста, название романа, из которого выдернута фраза, отправить ответ в редакцию и получить приз. Победивший становится обладателем статуэтки «Золотой лев» и председателем жюри, которое будет отбирать сценарии для нового блокбастера. Съемки Макс планирует начать в сентябре.

А теперь оцените степень моей глупости. Кстати, я совершенно не стесняюсь признаваться в том, что читаю по вечерам «Желтуху», меня веселят сплетни и откровенное вранье. Госпожа Васильева увидела конкурсное задание и обрадовалась. Я истовый читатель криминальных романов и, как бывший преподаватель французского языка, обладаю хорошей памятью, поэтому я в два счета вспомнила и произведения, и имена писателей. Нет бы мне, порадовавшись собственной эрудиции, отложить в сторону газету и заняться своими делами! Но я решила сделать следующий шаг: взяла и отправила письмо с ответами по адресу, указанному в газете. Спустя неделю я забыла о викторине, но в конце апреля мне позвонила девушка по имени Катя и затараторила:

– Дарья? Здрассти! «Желтуха» поражена вашим умом и эрудицией. Вы единственная верно ответили на все вопросы викторины. Примите наши поздравления и приезжайте пятого мая в развлекательный центр «Зимушка», где вам будет вручена заслуженная награда.

Я пришла в полнейший восторг и явилась в назначенный день и час в обозначенное место. Представьте мое изумление, когда я увидела на сцене Макса и поняла, что организатором действия является не кто иной, как он. Но в еще больший восторг пришли представители СМИ.

Устроители выбрали безошибочно правильное время для тусовки. В начале мая светская жизнь в Москве затихает, бомонд разлетается на всякие там острова, и писать не о

чем. Поэтому на вручение премии «Золотой лев» явилась туча корреспондентов, включая даже представителей журнала «Пластмасса в нашей жизни». И тут такая фенька! Победительницей признали бывшую жену основного спонсора!

Орда писак с фотоаппаратами кинулась к сцене, мне поднос сунули штук тридцать микрофонов, из множества глоток прозвучал вопрос:

– Сколько вы заплатили Полянскому за первое место?

Я попыталась оправдаться.

– Я честно ответила на все вопросы.

Громкий хохот пролетел над залом, мне стало очень обидно.

– Просто я отлично знаю детективы!

Хохот перешел в гогот, борзописцы веселились от души.

– Господа, – попыталась я воззвать к их чувству логики, – возьмите «Желтуху», там ни слова не сказано, кто является организатором викторины! Мне и в голову не могло прийти, что в этом замешан Макс, и...

– Мы уже поняли, что ваша убедительная победа – абсолютная случайность, – крикнул кто-то из толпы.

Я чуть не заплакала. Полянский, растерявшийся от такого поворота событий, решил мне помочь и заорал:

– Ребята, ей-богу, мы не врем! Я ни слова не говорил Дашуте!

– Ага, – завопил тот же голос, – и ничто в душе не дрогнуло, когда вы увидели, что победительницу зовут Дарья Ва-

сильева!

– Нет, – ляпнул Полянский, – женщин с такими именем и фамилией в России полно, вообще-то я не вспоминаю бывшую супругу, зачем она мне?

Я обозлилась на Макса за сие идиотское заявление. Ну погоди, дружок! Значит, я тебе не нужна? Ладно, один раз я вытащила тебя, дурака, из крупной неприятности, но больше на мою помощь не рассчитывай⁴!

– Послушайте, – раздался женский голос. – я Лена Лаптева, из газеты «Юность». Давайте на минуточку представим, что госпожа Васильева говорит чистую правду. На мой взгляд, очень глупо выставлять победительницей жену, пусть даже и бывшую! Правда моментально вылезет наружу, а господин Полянский никак не похож на дурака! Думаю, произошло удивительное совпадение.

Я с благодарностью покосилась на симпатичную молодую женщину. Фамилия Лаптева мне известна, с этой подписью выходят статьи, которые я с наслаждением читаю. И если эта корреспондентка рекомендует купить какую-нибудь книгу, я непременно следую ее совету. У Лаптевой хороший вкус, впрочем, может, он просто совпадает с моим? А теперь вот выясняется, что Лена еще и логично мыслит! Спасибо ей за поддержку!

– У меня вопрос! – закричала другая баба, полная брю-

⁴ Подробно об этом читайте в книге Дарьи Донцовой «Жена моего мужа», издательство «Эксмо».

нетка в грязных джинсах. – Следует ли считать премию «Золотой лев» прелюдией свадьбы? Вы с Максом хотите снова пожениться?

– Когда торжество? Вы уже расписались? Где будете жить? А дети, они как относятся к ремейку? – засыпали нас вопросами остальные журналисты.

У меня в прямом смысле слова опустились руки, статуэтка-приз оказалась излишне тяжелой.

Макс покраснел и заорал:

– Хотите верьте, хотите нет, Дашута одержала победу честно. Все. Жюри начинает работу, ждем сценарии или рукописи, на основе которых мы будем снимать фильм. А сейчас прошу всех в зал, там вас ждет фуршет!

Армия корреспондентов ринулась в глубь развлекательного центра, Полянский стащил меня со сцены, прижал к стене и гневно спросил:

– Что за хрень?

– Прости, я не знала, ей-богу, честное слово, даже не подозревала, кто устроитель... – испугалась я.

– За каким фигом ты отправила ответы? – еще сильнее обозлился Макс. – Получился цирк!

– Ну... я подумала... выиграю... так просто... – залепетала я. – «Желтуха» предлагала...

– Только свяжись с тобой, всегда ерунда получится, – рявкнул Макс. – Как у нас в загсе началось, так до сих пор и катится!

Я опустила глаза dolu и усталилась на ботинки бывшего супруга. Похоже, наш «птичник» тратит целое состояние на обувь – эта пара стоит не менее трех тысяч евро. И Полянский лукавит! Скандал в загсе произошел из-за его мамы, которая, хлебнув шампанского, получила отек Квинке. Вместо ресторана мы всей толпой кинулись в Склиф. Нину Андреевну спасли, но она долгие годы потом повторяла:

– У Дашеньки с Максимом было незабываемое торжество. Я чуть не умерла. Невестка угостила свекровь советской шипучкой. Оказалось, что у меня на нее аллергия, ужасная, невероятная, смертельная! Я раньше пила только импортное вино. Даша не виновата, она просто дала мне бокал с дешевым ядом! Ах, какие они были красивые! Макс высокий, статный, широкоплечий, кудрявый... Аполлон! И рядом Дашенька – крохотная, мелкая, коротко стриженная, еще съежилась от радости, наша мышка серенькая! И шампанское! Удача, что я еще выжила!

Макс встряхнул меня за плечи.

– Вернись на грешную землю!

Я заморгала.

– Я никуда не уходила!

Полянский махнул рукой.

– Расчудесно помню такое выражение твоего лица! Ладно, деваться некуда! Ты теперь председатель жюри.

– Охотно передам эту почетную обязанность другому человеку, – протянула я, – и фигурку льва забирай!

– Оставь себе, – наконец-то соизволил улыбнуться Полянский. – Мне следовало проявить бдительность, хотя бы за день выяснить, кто победитель. Не стал, понимаешь, тратить время на ерунду: какая разница, что за Марь Иванна получит «Льва»? Мне перед выходом на сцену планшетку сунули и шепчут: «Имя, фамилия несложные, Дарья Васильева!» Нет, такое могло быть только с тобой.

– Ты тоже принимал участие в этом деле, – вздохнула я.

– Короче! – гаркнул Макс. – Мы отберем сценарий, а ты объявишь автора! Осенью или в конце лета затеем съемку. Никакой самодеятельности, я вкладываю в производство большие суммы! Не вздумай лоббировать интересы какого-нибудь писаки! О'кей? Один раз затеяла свару, и хватит.

– Я не собиралась мешать работе отборочной комиссии, – прошептала я.

– Вот и отлично, – кивнул Полянский, – а теперь иди в банкетный зал.

– Не хочу, – испугалась я, – там корреспонденты.

– Тебя не поймешь, – улыбнулся Макс, – то дайте ей славу и приз, то отстаньте, не трогайте!

Я зашмыгала носом, Полянский обнял меня за плечи.

– Ладно, проехали, попудри носик и направляйся на тузовку. Журналисты уже выпили, к тебе приставать не будут.

Я поплелась в туалет, вытащила косметичку, но тут же почувствовала прикосновение к плечу и взвизгнула.

– Простите, простите, – зашептала шатенка с диктофоном

в руке, – не хотела вас напугать! Один крохотуличный вопросик!

– В туалете? – мрачно уточнила я.

– Какая разница, – улыбнулась корреспондентка.

– Извините, но ничего нового о премии я не скажу! – проявила я твердость.

– У меня личная тема, – заискивающе протянула девушка, – у вас, говорят, есть мопс?

– Хуч? – поразилась я. – Верно. В Ложкине обитает целая стая собак: ротвейлер Снап, питбуль Банди, йоркшириха Жюли, пуделиха Черри и, о да, Хучик. Но только на вопросы конкурса я отвечала без помощи мопса! Хуч умен, порой мне кажется, что он понимает человеческую речь, вернее, он ее совершенно точно понимает, просто иногда мопсу выгодно изображать дурака. Но детективы Хучик не читает, и подсказать правильный ответ хозяйке ему слабо!

Шатенка рассмеялась:

– Скажете тоже! Я понимаю, что пес не знаток литературы!

– Журналистам порой приходят в голову и не такие идеи, – ввернула я.

– Да я хочу купить мопса, – призналась девушка, – а о породе узнать не у кого! Поэтому я и подошла к вам!

Обида, злость и растерянность мигом покинули меня. Я страстно люблю собак и, смею надеяться, неплохо в них разбираюсь.

– Вас как зовут? – обрадовалась я.

– Катя, – представилась шатенка.

Я оперлась о рукомойник и спела хвалебную оду мопсам.

– Супер, – прошептала Катя, когда фонтан сведений иссяк, – но... тут... понимаете... Одна дама мне сказала, что мопсов ни в коем случае нельзя покупать!

– Почему? – изумилась я.

– У этих собачек сильно выпученные глаза, – вздохнула собеседница.

– И что? – я не поняла проблему.

Катя прижала руки к груди.

– Говорят, когда мопс прыгает на диван, у него глаза вываливаются и падают на сиденье, а хозяин должен их вставить на место. Это правда?

Я разинула рот и заморгала, потом хотела сказать, что встречала людей, у которых от трения головы о подушку отваливаются уши... Но увидела по-детски испуганное выражение лица корреспондентки и, стараясь не расхохотаться, прошептала:

– Вранье!

– Да? – с сомнением покосилась на меня Катя. – С трудом верится, что мопсы такие проблемные и замечательные, как вы рассказываете!

– Можно купить очки, – не выдержала я, – и тогда глаза песика не будут выпадать на диван, а вам останется только легким движением вернуть им статус-кво. Чпок! И глазонь-

ки на месте!

– Ага, спасибо, – кивнула Катя и убежала.

Я взялась за губную помаду и тут же услышала шум воды. В одной из кабинок, оказывается, находилась дама. Дорогие мои, будьте осторожны в сортирах, в особенности если хотите там посплетничать о коллеге. Сначала убедесь, что в кабинках никого нет.

Дверь скрипнула, появилась Лена Лаптева.

– Спасибо вам за помощь! – воскликнула я.

Лена отвернула кран и стала мыть руки.

– Я сама однажды попала в глупую ситуацию, – улыбнулась она, – кстати, обратите внимание, Катя, ну та, что спрашивала вас про мопса, не блондинка!

Я поправила свои светлые волосы, засунула косметичку в сумку и развела руками:

– Бывает!

Лена засмеялась и стала причесываться, а я шла в фуршетный зал в приподнятом настроении. Встречаются люди, от общения с которыми делается легко на душе! Лаптева явно из их числа.

Глава 4

Злополучного «Золотого льва», вызвавшего у меня не самые светлые чувства, я спрятала в самый дальний угол библиотеки, а желтая пресса быстро забыла про Полянского и его бывшую жену. В конце концов ни я, ни Макс не являемся звездами, статьи в газетах шли под названиями «Все конкурсы – обман» или «Честной победы не бывает».

Спустя пару недель я похоронила воспоминания о совершенной глупости, и тут произошло потрясающее событие.

Тихим летним вечером, когда я, наслаждаясь покоем, мирно валялась у телевизора, зазвонил мобильный. Я взяла трубку и, не посмотрев на дисплей, лениво сказала:

– Алло.

– Дарья Васильева? – прозвучал противный голос.

Было непонятно, кто является его обладателем: мужчина или женщина. Для представителя сильного пола тембр был высоковат, для слабого – низок и чересчур уж неблагозвучен.

– Слушаю, – ответила я.

– Дарья Васильева? – переспросил неизвестный. – Жена Максима Полянского, продюсера и книгоиздателя?

– Да, – подтвердила я и быстро добавила: – Бывшая жена. Мы в разводе много лет.

– Полагаете, что имеете дело с журналюгой? – возмути-

лись в трубке. – Я **НЕСОМНЕННЫЙ** победитель конкурса «Народный детектив», автор бестселлера, по которому необходимо снять фильм.

– Поздравляю, – приветливо сказала я.

– Пока не с чем, – отрубил победитель, – надеюсь на вашу помощь. Слушайте и не перебивайте. Я создал великое произведение, но мы живем в век потребления жвачки, поэтому истинное искусство ютится по подвалам, а на волне успеха всплывает сами понимаете что. Моя книга лучшая!

– Замечательно, – вклинилась я в самовосхваления чудака.

– Не перебивайте! Фильм обязаны поставить по моему сценарию.

– Насколько я помню, вы представились победителем, – кашлянула я, – значит, проблем нет. Время запуска фильма – конец лета или начало осени...

– Имеющий уши да услышит, – сердито оборвали меня на том конце провода, – до вашего разума донесли другую информацию. Было сказано: «Я несомненный победитель». Мой текст лучший! Но коррумпированное жюри предпочло бездарность и...

Я решила остановить чудака.

– Простите, как к вам обращаться?

– Благородный, – после небольшой паузы ответило бесполое существо.

Я удержалась от смешка. Благородный! Смахивает на ник

из Интернета, значит, это мужчина.

– Понимаете, Благородный, я не имею никакого отношения к работе жюри.

– Вы его председатель!

– Номинально! Я ни разу не была на заседаниях, ничьих рукописей не видела и...

– Вы жена Макса Полянского! Продюсера!

– Бывшая, – уточнила я.

– Но он вас поставил во главе отборочной комиссии.

– Это случайность.

– Фу, не лгите!

– Благородный, поверьте, меня позовут только на церемонию объявления победителя, дадут конверт и попросят огласить его содержание!

– Моя книга гениальна!

– Охотно верю!

– Все вы, богачи, такие! Никогда не оцените талант бедного человека! Призером станет Вероника Волыщева!

– Откуда вы знаете? – поразилась я.

– Подумаешь, секрет! Ее муж – владелец одного из телеканалов, он договорится с Полянским.

– И чем я могу вам помочь в данной ситуации?

– Скажите мужу: роман Благородного лучше!

– Он бывший супруг, – опять напомнила я, – у нас хорошие отношения, но дружескими их уже не назовешь.

– Вбейте мужу в голову: книга Благородного получит «Ос-

кара»!

Я сдержала стон.

– «Оскара» дают за фильм.

– Есть номинация – «сценарий», – стоял на своем писатель.

У меня закружилась голова.

– Извините, вы обратились не к тому человеку.

– Неужели вы не имеете влияния на мужа?

Я опять собралась напомнить, что муж «бывший», но тут до меня с запозданием дошло: я же стала жертвой психически ненормального литератора. Нужно отделаться от персонажа с псевдонимом Благородный. Горя желанием вернуться к теледетективу, я совершила роковую ошибку.

– Хорошо, вы правы, жена имеет над мужем власть. Но встаньте на мое место! Каким образом я могу продвигать роман, который не то что не читала, а даже не видела!

– Он гениален!

– Это ваше утверждение!

– Книга великая!

– Охотно вам верю, но я с ней не знакома.

В трубке засопели, а в моей душе запели соловьи. Даже на самого последнего графомана должен подействовать аргумент о непрочитанном романе.

– Лучшая книга достойна экрана? – неожиданно спросил собеседник.

– Да, – с легкой душой подтвердила я.

– Ладно, завтра вы получите экземпляр, – заявил писатель, потом понеслись гудки.

На следующий день, ровно в десять утра, Ирка протянула мне пакет из плотной коричневой бумаги, на котором красным фломастером значилось мое имя.

– Что там? – удивилась я.

– А не знаю, – ответила домработница, – нашла у калитки, бросили в нашу почту. Толстый, однако, похоже, внутри книга!

Я разорвала упаковку и вытащила самодельное издание на «пружинке». «Благородный В. „Десять негритят“ – стояло на титульном листе.

Взяв роман, я пошла в сад и улеглась на раскладушку. Название меня в восторг не привело: детектив «Десять негритят» есть у Агаты Кристи. Если не ошибаюсь, произведение великой англичанки было многократно экранизировано. Мне из всех киноверсий больше всего пришлась по душе та, что снята режиссером Говорухиным. Надеюсь, таинственный литератор не переписал опус старушки Кристи, ограничился лишь заимствованием заглавия.

Подоткнув под спину подушку и сунув в ноги мопса Хуча, я запустила левую руку в тарелку с орешками кешью, правой открыла книгу и погрузилась в чтение.

«Серо-синее небо, навевавшее тоску и депрессию на Владимира, сильно омрачало его настроение, испорченное плохим поведением Лизы, которая, полная злобы и ярости, су-

мела вогнать Владимира в колебания между жизнью и смертью, вызванные ершистыми раздумьями о месте Лизы в его жизни и неприятием ее измены, чисто духовной, не физической, телесную неверность Владимир понять мог, но ментальная набрасывала тяжесть психики, чему еще способствовало серо-синее небо мрачной осени его лета».

Я икнула, отпила воды из бутылки и попыталась понять смысл длинного и не вполне внятного предложения. Есть некий Владимир. Он очень расстроен изменой Лизы. Хорошо, читаем дальше:

«Круглые снежинки, нежно вздыхая, падали на его волосы, тусклые от горя и душевного состояния выхолощенного коня, пегие пряди ломало нездоровье».

Минуточку, здесь явная несостыковка. Только что автор упоминал «серо-синее небо мрачной осени его лета», и вот вам снег! Либо лето, либо осень! И откуда тогда снег?

«Душа томилаcь пониманием осмысления факта измены Владимира, который, сделав ложный шаг, вызвал к жизни прелюбодеяния Лизы, которая отомстила Владимиру, который не захотел остаться Владимиром, став жалкой тенью того, кого я любила много лет назад и кто согласился стать моей женой!»

Я перечитала текст. Кто из них Владимир? То есть автор, он кто? Лиза? Вова? Чья жена какого мужа? Кто кому сколько раз изменил? И почему автор решил, что он написал детектив? Хороший криминальный роман начинается с фразы:

«Я наступила на руку трупа»⁵, или на худой конец с предложения: «С люстры, покачивая ногами, свешивалось тело электрика Петрова».

Решив подкрепиться, чтобы лучше разобраться в хитросплетениях сюжета, я насыпала в рот новую порцию орешков и сказала укоризненно смотрящему на меня Хучу:

– Да, дорогой, жизнь несправедлива! И твоей и моей печени вредны кешью, но ты не способен взять лакомство из шкафа, поэтому и не ешь его. А я, отвратительная обжора, спокойно лопаю орехи. Но тебе не дам, потому что забочусь о твоём собачьем здоровье и долголетию. Надеюсь, «серо-синее небо мрачной осени твоего лета» не станет еще депрессивнее от осознания сей проблемы!

Хуч чихнул, спрыгнул с раскладушки и ушел в дом. Я попыталась продолжить чтение, но на пятой странице сдалась. К Владимиру и Лизе неожиданно присоединилась некая Барбара, которую я приняла за человека, однако через несколько абзацев стало понятно: Барбара – «ментальная сущность психического образа Владимира, астральное воплощение темного зла светлой души, оскорбленной изменой духа». В полной тоске я, не вникая в смысл, пролистала рукопись, открыла последнюю страницу и увидела: «Конец первой части».

Тут мои веки смежились, и я быстренько улетела в страну снов. Из дремоты меня вырвал звонок телефона.

⁵ См. книгу Дарьи Донцовой «Дантисты тоже плачут», издательство «Эксмо».

– Насладились? – забыв поздороваться, спросил Благородный. – Уж пора бы!

– Да, – малодушно соврала я.

– Гениально?

И что ему ответить? Сказать честно: «Текст невыносимо скучен и бездарен, я заснула, не осилив первой главы»?

Я не способна на столь откровенные оценки чужого творчества. Меня воспитывала бабушка, которая частенько повторяла:

– Дашенька, всегда лучше похвалить человека, чем отругать. Тебе не трудно, а ему приятно!

– Гениально? – повторил писатель.

– Интересно, – обтекаемо ответила я. – Образы свежи, мысли оригинальны.

– Полянский снимет кино! – возликовал Благородный.

– Я ничего не могу вам гарантировать! – испугалась я.

– Он ваш муж!

– Бывший, – заскрипела я зубами. – Пожалуйста, попробуйте понять, наш брак давно расторгнут, я не имею на него никакого влияния.

– Вы озвучите свое мнение?

– Да, – пообещала я.

– Будете моим союзником?

– Непременно.

– Книга гениальна?

– Восхитительна, – подтвердила я, мечтая быстрее изба-

виться от графомана.

– Меня ждет «Оскар»!

– Конечно!

– Макс снимет фильм?

– Да, – не подумав, брякнула я.

– Обещаете?

– Да, – на автопилоте сказала я и тут же спохватилась: – Минуточку, Благородный, сколько раз вам повторять: я не могу ничего решать за бывшего мужа.

– Первое слово дороже второго, – по-детски отреагировал собеседник. – Жду объявления имени победителя! Спасибо! Вы замечательная! Самая лучшая! Возьму вас на церемонию вручения «Оскара»! В благодарственной речи скажу добрые слова о Даше Васильевой! Не сомневайтесь, вы имеете дело с аристократом духа, а не с хамом.

Избавившись от психа, я соединилась с Максом и спросила:

– Жюри прочитало все заявленные рукописи?

– Уж не хочешь ли ты поруководить процессом? – с ходу полез в бутылку Макс.

– Нет, мне интересно только имя победителя.

– Олег Красков, – ответил Макс, – надеюсь, ты понимаешь, что весь конкурс – липа, сценарий давно утвержден, и вручение премии «Народный детектив» – чистая пиар-акция.

– У меня есть небольшая просьба.

– Ну? – опечалился Макс.

– Сначала скажи, кто-нибудь прислал рукописи?

– Завалили нас по уши, – засмеялся Полянский. – Народ наивен!

– И как вы с ними поступите?

– Предлагаешь ездить по авторам и вытирать слезы?

– Можно дать им красивые дипломы с золотыми буквами, написать нечто вроде «Иванов Иван Иванович награждается за участие в конкурсе». Копеечное дело, а людям приятно, и на прессу это произведет хорошее впечатление.

– Ладно, – неожиданно согласился Макс, – идея не вредная.

В назначенный день я вручила Олегу Краскову суперприз, москвичам – участникам конкурса, приехавшим на церемонию, отдали дипломы, иногородним литераторам пообещали их выслать. Журналисты поговорили о наших с Максом отношениях, выпили, закусили, и я с чувством выполненного долга уехала домой, решив никогда более не принимать участия ни в каких викторинах, конкурсах и состязаниях.

Не успела я выехать на Новорижское шоссе, как телефон, стоящий в специальной подставке, затрясся от возбуждения. Мне не нравится система «хэндс-фри», поэтому, взяв аппарат и произнеся: «Слушаю вас», – я стала медленно съезжать на обочину.

– Ты еще пожалеешь о содеянном, – ледяным тоном сказал Благородный. – Я тебе отомщу!

– Не стоит так нервно реагировать, – засопела я. – Кстати, вы были на вручении наград?

– Нет!

– Очень жаль! Но не расстраивайтесь, вам непременно вышлют диплом!

– Подотри своёй поганой бумажонкой! – завизжал мой навязчивый собеседник. – Я хочу «Оскар»!

– Он непременно будет вашим, но придется написать другой сценарий.

– Издеваешься?

– Нет, нет, даю дружеский совет.

– Сука! Дрянь! Сволочь...

Я быстро выключила телефон и вытащила из него сим-карту. Увы! Как ни обидно, придется покупать другой номер, ведь сумасшедший не отстанет!

На следующий день я съездила в офис телефонной компании и успокоилась, а зря. Спустя сутки Ирка принесла новый конверт. Внутри лежал белый листок с текстом, отпечатанным на принтере.

«Здравствуй, Даша!

Читала ли ты гениальную книгу Благородного? Сильно сомневаюсь, потому что, ознакомившись с текстом, мигом бы поняла: ты держишь в руках великое произведение писателя, перед которым меркнет наследие Шекспира. Страсть! Ярость! Гнев! Вот чем наполнены страницы, написанные кровью сердца, а не расчетливой рукой тех жад-

ных авторов, которых ты покупаешь в магазинах, способствуя их обогащению. Ты не поверила Благородному! Поле-
нилась вскрыть посылку с рукописью? Разучилась восприни-
мать умный текст? Не способна переварить полноценную ин-
теллектуальную пищу? Не знаю, но понимаю, что тебе нужно
отомстить! Хотя, может, я ошибаюсь, и ты правда провела
незабываемые часы с великим детективом? Что ж, твоя по-
рядочность сильно упростит мою задачу. Итак! Мы вопло-
тим в жизнь роман Благородного, пусть торговцы яйцами
снимают блокбастеры по произведениям тупоголовых кре-
тинов, мы перенесем действие в реальность, вместо актеров
в нем будут участвовать живые люди, вот только они не узна-
ют, что стали статистами. Страшные преступления произой-
дут в действительности, погибнут женщины, мужчины, де-
ти... А кто в этом виноват? Ты, Даша! Тебе следовало угово-
рить Макса Полянского снять кино по этой книге! Не захоте-
ла? Теперь расхлебывай кашу. Убийств пока не произошло,
они впереди. Ты можешь спасти «актеров», вот только надо
знать: где, когда и с кем случится несчастье. Если ты читала
книгу, сложностей не испытываешь, мы пойдем по сюжету, нач-
нем с буквы «а». Произнесутся ли остальные буквы, зависит
только от тебя. Сколько человек погибнет? Ответ в великом
произведении «Десять негритят». Надеюсь, ты не выброси-
ла его? Даю тебе время на прочтение, последний шанс! Не
забудь внимательно изучить все, включая конверт! Неделя!
Потом пробьют часы, и никто, кроме тебя, не сможет оста-

новить меч, падающий на головы бранных. Бесполезно и даже опасно привлекать к делу милицию. Как только станет ясно: Дарья не одна, я изменю сюжет. Жертв станет больше. А кто виноват? Дарья! Не совершай новых ошибок. Помни, в твоих руках нить человеческой судьбы. Девочка Варвара погибнет! Ее украдут! Все по сюжету. Владимир Мерзкий уже готов. Ты исполнишь роль детектива, который в книге сумел распутать клубок. Удастся ли тебе подобное? Но тсс... Звонит звонок... скоро мы начинаем... Еще раз перечитай книгу. Благородный».

Глава 5

Думаю, вы понимаете, какие чувства овладели мною после прочтения этого письма. Сначала я впала в панику, потом решила успокоиться и трезво оценить ситуацию. Текст послания странный. Я прочитала несколько абзацев опуса «Десять негритят» и понимаю, что предложение «Вот чем наполнены страницы, написанные кровью сердца, а не расчётливой рукой тех жадных авторов, которых ты покупаешь в магазинах, способствуя их обогащению» вышли из-под пера законченного графомана, человека малограмотного. В магазине нельзя приобрести автора, там покупают книги. И концовка двусмысленна: чьему обогащению я способствую? Магазинов или все тех же пресловутых авторов?

Но остальной текст относительно связный, фразы короткие, даже газетные.

Неожиданно в голове всплыло воспоминание. В середине 70-х годов прошлого века случился громкий литературный скандал, настолько громкий, что о нем даже (вот уж немыслимое для советской страны дело) написали центральные газеты. Преамбула такова. Прозаик М. пошел гулять по Переделкину, зашел к своему близкому другу К. и обнаружил приятеля мертвым. К. был очень больным человеком, перенес несколько инфарктов. Его жена, дама экзальтированная, чтобы не сказать истеричная, запретила делать вскрытие по-

койного.

– Я до Брежнева дойду, – кричала она в кабинете парторга Союза писателей СССР, – но не дам издеваться над телом. Если к моему бедному мужу приблизятся с ножом, я публично покончу с собой!

От чего вдова впала в такой раж, осталось непонятно, но литературное начальство поговорило с кем надо и К. похоронили без вскрытия. Впрочем, повторяю, никто не сомневался в естественности его смерти.

И вот через год произошел шумный скандал. Одно московское издательство выпустило книгу М., большой роман, о котором сразу заговорили и критики и читатели. Успех был сокрушительный. М., до того времени средний, ничем не выделявшийся прозаик, моментально стал вровень с первыми лицами советского литературного олимпа. Но не успел он собрать урожай на ниве славы, как в московскую организацию Союза писателей пришла молодая особа, секретарь покойного К., и предъявила рукопись того самого шедевра М., написанную рукой... его умершего коллеги.

– Книга принадлежит К., – плакала женщина, – он сделал несколько вариантов романа, постоянно его переписывал, переделывал и за день до кончины отдал мне на перепечатку!

– Почему же вы не выполнили требование покойного? – только и смог спросить председатель Союза писателей. – От чего не вернули труд вдове К. в подготовленном к публика-

ции виде?

— Она... мы... — залепетала девушка, — в общем, К. любил меня, хотел развестись с женой, и...

Довольно быстро правда вылезла наружу. Супруга К. была старше мужа, кроме того, обладала властным характером и надоела супругу хуже горькой редьки. Литератор задумал с ней развестись и жениться на своей секретарше. Законная жена великолепно знала об адюльтере и пожаловалась М. Дальше все просто. М. лишил приятеля жизни, а в награду получил рукопись: бездарный прозаик жаждал славы и денег.

Это подлинная история. Шекспир отдыхает! Поэтому меня не удивило желание Благородного отомстить всему свету за свою бесталанность. Но способ, который избрал графоман, внушал ужас. Он собрался убивать невинных людей. Ему следовало обратить свой гнев против Макса, меня, издателя, который не хотел печатать его гениальный опус, в конце концов, под прицел мог попасть Олег Красков, по сценарию которого будут снимать фильм. Но посторонние люди?

На минуту мне стало страшно, но потом взял верх здравый смысл. Благородный просто решил меня испугать, оболзился на то, что не получил приза, и стал искать виноватого. Увы, немногие люди способны сказать себе:

— Я занимаюсь не своим делом, лучше получу какую-нибудь хорошую профессию, буду делать мебель (работать на конвейере, водить троллейбус, помогать больным людям,

стричь собак, работать в магазине), писатель из меня как из веника самолет.

Нет, графоманы, подобные Благородному, уверены в собственной гениальности. Он решил психологически раздавить председательницу жюри, которая не соизволила прочитать «великий детективный роман». Ну и каким образом можно перенести его сюжет в реальную жизнь? Нужно нанять большое количество актеров, снять помещение, купить оружие, в конце концов, понадобится много денег. Да, я не продвинулась дальше первых пяти страниц романа Благородного, но до того как мне на жизненном пути попался озлобленный графоман, я прочитала огромное количество полицейских историй и знаю, все они строятся примерно по одной схеме. Найден труп – приезжает милиция, или комиссар Мегрэ, или сыщик Арчи Гудвин⁶, неважно, и начинается поиск преступника.

И как изобразить такое в жизни? Нанять следственную бригаду, оперативников, экспертов?

Я пошла на кухню, заварила чай, положила в кружку три столовые ложки варенья, выпила и успокоилась. Благородный хочет просто напугать меня. Не следует идти на поводу у сумасшедшего. Может, рассказать об этом Дегтяреву? Но у толстяка запарка на работе, сразу несколько его сотрудников уволилось со службы, полковнику не хватает рук и ног, на несчастного Александра Михайловича с утра до ночи орет

⁶ Даша вспоминает героев книг Жоржа Сименона и Рекса Стаута.

генерал... Нет, моему дорогому другу сейчас не до глупостей!

И, вероятно, графоман теперь от меня отстанет. Я сменила номер телефона, новый психу не узнать. Правда, он прислал письмо, а еще раньше роман, значит, где-то взял адрес...

Я спустилась на кухню и сказала:

– Ира, почта, которая приходит на мое имя, не должна валяться в холле.

– А куда ее девать? – изумилась домработница.

– Относи прямо в спальню.

– Чью? – уточнила Ирка.

– Замечательный вопрос! Ясное дело, если написано «Даше Васильевой», корреспонденцию следует передавать Зайке! – рассердилась я.

– Ага, – растерялась Ира.

– В мою комнату! Мою! Мою! Сразу наверх! – заорала я. – Поняла?

– Угу, – кивнула Ирка. – Что тут не ясно?

Но, очевидно, было неясно, потому что на следующее утро я обнаружила на тумбочке у кровати конверт из суда, адресованный Аркадию, журнал «Рыбалка», который выписывает Дегтярев, газету «Ветеринарные новости» – любимое чтение Маруси, и штук десять приглашений на тусовки, где с нетерпением ожидали Зайку.

С тех пор я работаю почтальоном Печкиным: Ирка при-

таскивает почту в мою спальню, а я раздаю ее домашним. Радовало лишь одно: никаких вестей до вчерашнего вечера от Благородного не поступало.

Я уже лежала в кровати, когда затрезвонил телефон. На дисплее выскочила комбинация из одних нулей, но меня это не насторожило. Огромное количество моих подруг рассеяно по всему свету, и если меня разыскивает кто-то из Франции или Израиля, то номер не определится. Например, Лена Голикова, живущая сейчас в США, вечно забывает про разницу во времени. Она может звякнуть в три утра и спросить:

– Ау! Ты чего такая грустная? Как дела? У нас шикарная погода, сижу в офисе, пью кофе!

Но на этот раз в трубке была не Голикова, а засипел знакомый противный голос.

– Ну? Перечитала роман?

– Благородный! – ахнула я. – Где ты взял мой номер?

– Изучила книгу? – Псих проигнорировал мой вопрос.

– Да, – соврала я, – она гениальна, потрясающая, великолепна! Завтра же отправлю ее в Голливуд Спилбергу. Оставь мне, пожалуйста, свои координаты, Стивен пришлет тебе контракт. Ну, записываю...

– Включи завтра новости по каналу «КТК». Мы начинаем! Ты читала книгу?

– Да, – упорно лгала я, – наизусть выучила.

– Жди! Четвертое августа! Понедельник! Объявят! Ты совершила ошибку! Акция стартует!

Благородный отсоединился, я побежала к аптечке, нажала себе валокордина, съела таблетку снотворного и рухнула в кровать. Завтра придется опять поменять симку. Интересно, как псих узнал новый номер мобильного? Хотя у меня большое количество знакомых, которым я отправила эсэм-эски с сообщением: «Это мой новый номер». Значит... что это значит?

Додумать мысль до конца не удалось, поскольку я, придавленная лекарствами, крепко заснула, а утром началась суета из-за неявившейся домработницы...

И вот теперь новости сообщили о похищении Варвары Гинзбург. А ведь в письме было сказано: «Девочка Варвара погибнет. Ее украдут».

– Мама, – прошептала я, – мама!

– Что случилось? – удивилась Саша, с интересом наблюдавшая за мной.

– Меня тошнит, – еле слышно ответила я. – Мигрень внезапно началась!

– Заварить вам чаю? – заботливо осведомилась гостья. – Если в стакан положить побольше сахара, лучше таблетки поможет! Хотите, я обед приготовлю?! Или лучше дом прибрать?

Но я уже, перепрыгивая через ступеньки, неслась к себе.

Неприятно признаваться, но в моей спальне не всегда царит идеальный порядок. Прочитанные журналы и газеты я сваливаю на подоконник и понятия не имею, куда их потом

уносит Ирка. Книги же возвращаю на полки в библиотеке, но не сразу после прочтения: порой на тумбочке и журнальном столике скапливаются высокие стопки. Я люблю покупать книги в твердом переплете, они сразу не разваливаются, и бумага у них лучше. Конечно, такое издание чуть дороже, но за качество надо платить.

Я влетела в свою комнату и перевела дух. Спокойствие, только спокойствие. Где «великая книга»? Очень хорошо помню, как принесла рукопись, скрепленную пружиной, из сада и швырнула... куда? На стол? На диван? На тумбочку? Давай, Дашутка, напрягись, реконструируй события.

Я схватила плед и какое-то издание. Оно будет исполнять роль рукописи. Выскочила в коридор, сделала пару вдохов-выдохов, опять вошла в спальню и замерла. Значит, так, я пришла из сада... Что дальше?

Ноги понесли меня к дивану, шерстяное одеяло упало на подушки, том – на столик. Я стала просматривать гору изданий, громоздившихся на полированной столешнице. Четыре гламурных журнала и книги: детектив Смоляковой, пособия «Как правильно чистить собакам уши», «Ваш красивый сад», «Занимаемся йогой», новые романы двух Татьян – Поляковой и Устиновой... Еще там было несколько пустых пакетиков из-под кешью, пачка сигарет, упаковка бумажных носовых платков и туба с аспирином. «Десять негритят» исчезли.

Я села на диван. Ход событий восстановился неправиль-

но. Наверное, сначала я пошла к кровати. Так, повторим: плед летит в дальний угол ложа, рукопись... э... на тумбочку!

Поскольку мне не нравится вскакивать ночью, чтобы бежать за бутылочкой минералки или таблетками от головной боли, я превратила прикроватную тумбочку в склад необходимых вещей. Тумбочкой мне служит полукруглая консоль с вместительным ящиком: в нем лежат лекарства и шоколадки, которые я люблю погрызть перед сном. А что на столешнице? Бутылка с минералкой, крем для рук, упаковка бумажных салфеток, калькулятор, ножницы, трубка стационарного телефона, пульты от телика и видека, DVD-диски с сериалом «Она написала убийство»... и никаких признаков рукописи мерзкого Благородного.

Трясаясь от возбуждения, я перерыла всю комнату, нашла давно потерянный «парадный» ошейник Хуча, кучу искусственных костей, спрятанных от товарищей Снапом, авторучку Кеши, паспорт Маши, штук десять носков из разных пар, но рукопись Благородного испарилась.

В полном отчаянии я распахнула дверь в гардеробную – правильнее назвать ее небольшим шкафом, – щелкнула выключателем и заорала. Между вешалками маячило чудовище, ярко-красное, с черной головой, белыми зубами и отчаянно сверкающими глазами. Монстр вытянул вперед ужасные лапы, они начали удлиняться...

Я захлопнула створку и завопила:

– Помогите! Убивают!

В коридоре раздался топот, и в мою комнату влетела Маша с сачком в руке.

– Мышь? – деловито осведомилась она. – Не стоит поднимать панику. Это Альберта.

– Кто? – прошептала я.

– Альберта, – улыбнулась дочь, – пройда невероятная. Опять из клетки удрала. Мусечка, ты же не Зайка, не станешь падать в обморок при виде скромного белого хорошо воспитанного грызуна.

– То, что сидит в моей гардеробной, не маленькое и не белое, – выдавила я из себя. – Наоборот, оно громадное, черное, жуткое...

Манюня заморгала, дверь спальни распахнулась, и появились Кеша и Зайка, оба в голубых халатах.

– Сто раз говорила, не читай на ночь ужасы, – завела Ольга.

– Съеденный в большом количестве шоколад нарушает сон, – зевнул Аркадий, – а в соединении с орехами кешью и вовсе получается гремучая смесь!

– У нас что-то случилось? – всунулся в спальню Дегтярев. Маша потрясла сачком.

– Альберта удрала, проникла в мамину гардеробную.

– Альберта? – изумился полковник. – У нас гости?

– Мыши, – пояснила Маруся, – белые.

– А-а-а! – взвизгнула Зайка и села в кресло, поджав ноги.

Аркашка закатил глаза.

– Хватит, время уже позднее, давайте спокойно разойдемся.

– Вы оставите меня с чудовищем? – возмутилась я. – Там монстр! С клыков у него капает пена! Когти полметра! Зубы как у акулы!

– О боги, – простонал Кеша. – Мать, признайся, тебе надоели детективы, ты стала увлекаться ужастиками?

– Он там, – показывала я пальцем в запертую гардеробную.

Аркадий распахнул створку.

– Ну и... – начал он и вдруг заорал: – Эй! Стой! Не двигаться!

– Мыши! – вопила Зайка, кутаясь в халат. – Мыши! Вау!

– Ноги на ширину плеч, руки за спину, большие пальцы вверх, встать, упереться лбом в стену, идти ко мне медленно, – заверещал Дегтярев, – неповиновение приравнивается к побегу. Шагать спокойно, стоять смирно!

Я вздрогнула. Может, криминальная ситуация в нашей стране изменится в лучшую сторону, если менты начнут изъясняться на понятном всем языке. Как можно выполнить отданный Дегтяревым приказ: «Шагать спокойно, стоять смирно»?

Но чудовище поняло полковника, оно выползло из шкафа с поднятыми руками.

– Амара! – ахнула я. – Что ты делаешь в моей спальне?

– Это кто? – воскликнули Зайка и Кеша.

– Только негров нам не хватало, – неpolitкорректно высказался полковник. – Гастарбайтер из Замбии!

Амара затрясся.

– Минуточку внимания, – заявила я, – знакомьтесь, это Амара. Он временно поживет у нас в доме, поможет по хозяйству, ведь так?

Парень закивал:

– Очень, очень, очень хочу вам помочь! Мне велели слушаться... быть благодарным... я готов на все...

– Просто хижина дяди Тома какая-то, – хмыкнул Кеша. – Неужели в Москве трудно найти... э... э... женщину средних лет, хорошую повариху и уборщицу? Мать! Зачем...

Тут Аркадий прикусил язык, а Амара воскликнул:

– Я все умею! Мне приказали вам понравиться!

– Замечательно, – выдохнула я. – Теперь объясни, зачем ты влез в шкаф, и разойдемся.

– Кролик велел погладить платье, – прошептал парень и втянул голову в плечи. – Быстро, он опаздывает.

– Кто? – хихикнула Зайка.

– Кролик, – еще тише ответил Амара.

– Вот здорово, – потер руки Аркадий, – смена литературных декораций. Имели роман Гарриет Бичер-Стоу, получили «Алису в Стране чудес». У нас, оказывается, проживают быстро плодящиеся длинноухие! Мне нравится такой поворот событий! Весело в доме!

– Хочешь сказать, что ты встретил в коридоре кролика, который велел привести в порядок его костюм? – откровенно веселилась Зайка.

– Нет, – Амара слегка приободрился. – Маша сказала: «У нас запущенное хозяйство, но начать надо с платьев кролика, он вечно опаздывает, орет по утрам. Если ты шмотки отгладишь, мы спокойно поспим, бери уют и вперед. Очень истеричный кролик!» Я испугался, пошел искать платья, заблудился, открыл комнату, решил, что это кладовка...

– Ты принял мою спальню за чулан? – возмутилась я.

– Здесь очень много вещей, – заморгал Амара, – человеку столько не надо, и они разбросаны. А потом дверь заскрипела, я испугался и влез в шкаф.

Зайка опять противно захихикала, а негр продолжал:

– Я подумал, вдруг это кролик идет, он мне по морде надает! Маша предупредила, он – может! И тут... вы...

– Ясно, – кивнул Дегтярев, – у нас все как всегда, ничего нового! Единственное, что мне хочется узнать: Марья, где припадочный длинноухий? Ты приволокла из академии очередную жертву лабораторных исследований? Надо предупреждать! Я не готов к встрече с безумным кроликом! Я его уже боюсь! Сегодня он требует выглаженное платье, завтра прикажет приготовить на ужин жаркое из Хуча!..

– Ни о каких кролях речи не было, – стала отбиваться Маруська, – только о мышах! Самая вредная Альберта – она выскочила из домика.

– А-а-а... – не преминула завизжать Зайка.

– Я в два счета поймаю беглянку, – потрясла сачком Маня.

– Давайте уточним ситуацию с кроликом, – попросила я. –

Откуда он взялся, почему ходит по нашему дому и требует выглаженных платьев? Амара, отвечай!

– Не видел, не слышал, не знаю, – затряс головой домработник. – Маша мне сказала! Кролик псих! Истерик! Капризуля!

– Я? – подскочила Маня. – Ты что ел на ужин? Поганки или мухоморы?

– Нет, – чистосердечно ответил Амара, – чай пил, с печеньем. Ты сказала про кролика!

– Никогда, – топнула ногой Маруська.

– Да, – настаивал парень, – у меня замечательный слух.

– Лучше бы у тебя был такой же замечательный ум, – опустилась до оскорбления Маня.

– Эй, эй, тишина в зале, – прогремел Кеша, – у меня возникла интересная версия. Амара, ты уверен, что было произнесено слово «кролик»?

Парень размашисто перекрестился.

– Да.

– Именно «кролик»? – по-адвокатски занудно уточнил Аркадий.

– Да, – стоял на своем Амара.

– Может, Зайка? – спросил Кеша и сделал серьезное лицо.

– Точно! – хлопнул себя по лбу негр. – Зайка! Верно! Но

какая разница? Что кролик, что заяц – однофигиственно.

– Ну, я пошел, – мигом сориентировался Дегтярев и шмыгнул в коридор.

– Это же одно и то же, – растерянно повторил Амара.

– Не совсем, – пискнула Маша и стала отступать к двери.

– Очень даже «не совсем», – давясь смехом, уточнил Кеша. – Зайка в доме живет.

– Да? – наивно удивился Амара. – А нам в школе вроде наоборот говорили: кроликов в клетках разводят, а зайцы по лесу скачут.

– Некоторые в Ложкине, в коттедже, устроились, – не выдержал Кеша и поспешил на выход.

Не успели брат с сестрой убежать, как Зайка избавилась от временного паралича, медленно встала и, глядя на меня, грозно произнесла:

– Значит, тут появилась истеричная крольчиха, из-за которой никто не может нормально выспаться? Психопатка постоянно орет и скандалит?

– Я здесь ни при чем, – в подтверждение своих слов я замахала руками, – ни слова не произнесла!

– Ладно, – протянула Ольга, – я сделаю выводы.

Дверь хлопнула о косяк, Зайка удалилась, я села в кресло. Ну и ну! Интересно, что она сделает с Аркадием? И каково придется Мане?

– Случилась неприятность? – робко осведомился Амара. Я кивнула.

– Из-за меня? – парень посерел.

– В некотором роде да.

Амара сжался в комок.

– Извините, простите, я не хотел, исправлюсь, больше никогда...

– Послушай, давай договоримся, ты у нас задержишься на месяц...

– Не выгоняйте меня, – чуть не зарыдал домработник.

– Ты у нас задержишься на месяц, – повторила я, – и при этом будешь молчать.

– Совсем? – ужаснулся Амара.

– Говори поменьше, всем лучше будет, – вздохнула я. – Если возникнут проблемы, обращай только ко мне. Больше ни к кому.

Глава 6

Большую часть ночи я потратила на поиски книги, но так ее и не обнаружила. Скорей всего, придя из сада, я кинула сброшюрованные листы на подоконник, в пачку газет, предназначенных на выброс, а Ирка отволокла прессу на помойку. Я лишилась возможности с карандашом в руке прочитать «Десять негрятят» и еле-еле дождалась утра, чтобы позвонить Рите Аморади.

– Алло, – бодро отозвалась знакомая.

– Надеюсь, не разбудила тебя! – обрадовалась я. – Это Даша Васильева, прости за слишком ранний звонок.

– Я всегда встаю в шесть, – отрапортовала Аморади, – пробежка, душ, здоровое питание, надеюсь дожить до пяти-сот лет.

Если Риту не перебить, она будет говорить без умолку, поэтому я задала вопрос:

– Ты по-прежнему преподаешь в музыкальном училище?

– Увы, родители не научили доченьку ничему полезному, – заерничала Ритка, – убивать, воровать, брать взятки я не умею. Приходится на скрипочке пикировать. Трень-брень.

– Тебе знакома фамилия Гинзбург? Юрий Гинзбург. У него есть дочь Варвара! Он композитор.

– Юрий... Юра... ах Юрка! Но какой же он музыкант! Пиликалка! Господи! Вот времена настали! Если человек ходил

два года в музыкальную школу, а потом стал писать кретинские песенки типа «Ла-ла-ла – ты мой навсегда», он уже считается композитором. Фу! Юрка лабух! Цзынь-брынь! Но теперь время посредственностей, чем тупее, тем дороже!

– Ритуля, мне не нужна оценка творчества Гинзбурга. Расскажи мне о нем в общих чертах. Пожалуйста.

– Ха! Он педик! Это всем известно! Не секрет.

– А откуда у него дочь Варвара??

– Слушай, – заверещала Ритка.

Я села в кресле по-турецки: Аморади идеальный вариант, если вам нужно о ком-то подробно узнать. Сейчас Ритуля сообщит мне все: вес, рост, размер ноги, группу крови, опишет позу, в которой Юрий любит спать, перечислит жен, любовниц, тьфу, любовников, назовет излюбленные блюда Гинзбурга и размер его печени, определенный последним УЗИ.

Юрий Гинзбург происходил из семьи музыкантов. Мама играла в оркестре, отец стоял за дирижерским пультом. Скрипачка – это не балерина, конечно, и ей нужно выглядеть прилично, но пара-тройка лишних килограммов, налипших на талию Диты Гинзбург, никого не волновала. Дита родила троих сыновей и одну дочь. Дети выросли замечательные, все они, естественно, окончили музыкальную школу и стали профессионалами, хорошо устроились все, кроме самого младшего, Юрочки, маминого любимца.

Очевидно, на Юре природа не просто отдохнула – она на нем выпалась. Мальчика обучали в школе нотной грамоте

и игре на фортепьяно только из уважения к его родителям и старшим братьям с сестрой. По-хорошему, Юру следовало отчислить, но он был одним из знаменитой творческой династии, поэтому получил диплом. Последнее, что успела сделать Дита перед смертью, это пристроить Юрочку в третьеразрядный оркестр.

– Ничего, солнышко, – утешила мать незадачливое чадо, – опыт наиграешь.

Дита кривила душой. Конечно, фанатичная работоспособность дает подчас потрясающие результаты, но одной техники мало, нужен еще и талант, а вот его запасы у Господа закончились на старших детях дирижера. С началом перестройки Гинзбурги разлетелись по свету. В Москве остался один Юра, некоторое время он сидел без работы, но никогда не нищенствовал.

Здесь надо упомянуть об одной особенности Юрия. Даже Ритка, пытаясь перечислить всех его любовниц, иссякла на сороковой фамилии.

– Всех его баб не назвать, – констатировала Аморади, – я могу выделить только тех, кто с нашим Дон Жуаном больше месяца продержался! Ты его видела?

– Юрия? Нет, – ответила я.

– Страшнее только голод, – вздохнула Рита, – маленький, кривоногий, носатый, лысый, волосатый, а дамы за него дерутся, подарками засыпают!

– Нельзя быть одновременно лысым и волосатым, – уре-

зонила я разошедшуюся Аморади.

– Запросто, – не сдалась подруга. – На башке лысина, а тело будто в мохеровом свитере. Только не подумай про меня чего плохого! Я его голым на речке видела. С Юркой Света Лукашина жила, она с ним год продержалась, мы вместе на пляж ходили! Такой гиббон, а бабы пачками падают! Хотя – с его-то деньгами! Если гоблин ездит на «Бентли» и имеет в бумажнике пару платиновых кредиток, он Аполлон.

– Постой, – удивилась я, – только что ты недвусмысленно намекнула, что Юрий существовал за счет любовниц.

– Было, было, но его подобрала Тина Рик, слышала про нее?

– Нет.

– Дашка! Ты где живешь?

– В Москве!

– Похоже, что в тундре! Тина Рик, звезда эстрады семидесятых. Она Юрочку из грязи вытащила, отмыла, одела, он за ней сумочки носил, а потом начал песни писать! Жуткие! Бренд-кенц! Та-та-та! И взлетел! Нынче он богатый, знаменитый, морда гладкая! Женился на проститутке, бывшей подпевке. Говорят, он ее у Вадима Колина отбил. Про него хоть слышала?

– Нет.

– Вау! Он царь пластиковых пакетов! Производит упаковку и мешки с логотипами. Прикинь объем торговли! Теперь Юрка на горе, а его братья и сестра в жопе. Что толку от их

музыкального таланта? Один в Австралии, другой в Чехии, а сестричка на Мальте, всех Юрка содержит.

– Похоже, он добрый человек.

– Юрка? Нет, конечно. Ему приятно родственничкам рубль сунуть. «Ах, вы меня презирали, дерьмом считали? Ничего, теперь, чтобы с голоду не подохнуть, в пояс кланяйтесь!»

– Ты же говорила, что Юра мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации! – вспомнила я начало беседы.

– И что? Он пидор!

– С огромным количеством любовниц?

– Душевный педераст!

– Ясно, теперь о дочери.

– Маленькая крыса! Вся в папочку, – вскипела Аморади, – я видела, как она няньку по морде колготками хлестала. Весьма крутое поведение для малолетних.

– Ты в курсе, что Варя пропала?

Ритка издала хрюкающий звук.

– Ну... вроде как! Вчера в новостях сообщили... хотя...

– Что?

– Ничего, – Аморади внезапно растеряла всю свою болтливость.

– Почему ты так странно отреагировала на вопрос о похищении? – наседала я.

– Нормально.

– Фраза «вроде как» звучит непонятно!

– Ну...

– Рита!

– Да!

– Это очень важно!

– Ой, прекрати, какое тебе дело до чужих детей! – отрубилА Аморади.

Я насторожилась: если Рита пытается скрыть сведения, ежу понятно – они самые важные.

– Хорошо поболтали, – защебетала подруга, – жаль, что ты редко звонишь. Надо нам пересечься, потрепаться... Ну, ладно...

– Стой! Рита! Помнишь, ты сбила человека? Три года назад наехала на мужика, который упал пьяным с тротуара под колеса твоей машины! – Конечно, закон был на стороне Аморади, алкоголик сам оказался виноват, но было отягчающее обстоятельство. Риточка неслась со скоростью восемьдесят километров в час, наплевав на знак «сорок» перед въездом в городок. – И кто тебе тогда помог?

– Мне даже жена того уродА «спасибо» сказала, – возмутилась Рита. – Обняла меня в кабинете у следователя и зарыдала от счастья, избавилась наконец от камня на шее, помер ее мучитель.

– Ага, жена всем хороша, только дело-то вела не она. Лучше ответь на вопрос: кто тебя выручил? Кто приехал в местную ментовку и вытащил госпожу Аморади из вонючего обезьянника?

– Дегтярев, – неохотно признала Рита.

– Долг платежом красен!

– И что тебе надо? – с тяжелым вздохом осведомилась

Ритка.

– Александру Михайловичу поручили дело о похищении Варвары, – беззастенчиво соврала я. – Ему необходима подробная информация о семье и девочке. Начинай.

– Юрка пидор, богатая сволочь, живет в шикарном доме. Женат на Лизке. У Юрки полно баб, Лизка с ним не расходится, потому что ей это удобно, она дура, но ей повезло, работать не надо. – Рита заныла. – Не то что я, с утра в классе маячу. Юрка в шоу-бизе, значит, Лизку на тусовки зовут, она за вечер пять мест объезжает, вечно ее снимки в глянце. Дочка их Варька – дикое существо, хамка и сволочь в папу, дура в маму. Все.

– Мне показалось, что ты не веришь в версию с похищением, – заметила я.

– Я ничего не знаю!

– Рита! Вспомни про Дегтярева!

– Слушай, – зашептала Аморади. – Юрка мерзкий гад, говорят, он своих нераскрученных девчонок-певичек разным мужикам подкладывает, а если девки отказываются, ноги им ломает. Собрал компромат на всех! Обладает связями! С ним в открытую ругаться никак нельзя. Наболтаю лишнего, а мне потом пасть порвут! Мир тесен, кто-нибудь ляпнет, другой повторит, третий подхватит, четвертый Юрке нашепчет,

он кому надо в училище свистнет, и что со мной станет? Рваной тряпкой буду мыть постамент памятника Петру Ильичу Чайковскому.

– Спасибо, – язвительно ответила я, – надеюсь, великий и ужасный Гинзбург никогда не узнает, что ты разносишь слухи о его яркой душевной голубизне.

– Подумаешь, это же глупости, – повеселела Рита.

– Значит, с Варей случилось нечто ужасное? – предположила я.

– Понятия не имею! И вообще! Сплетни я не повторяю, слухи не собираю.

– Ладно, – сдалась я, – но в следующий раз, если случится беда, не звони полковнику, он у нас человек добрый, но с плохой памятью, поэтому всегда записывает фамилии тех, кто его не отблагодарил, на всякий случай, чтобы потом не ошибиться и случайно не помочь во второй раз.

Рита засопела.

– Я правда ничего не знаю.

– Охотно верю, пока.

– Дашута!

– Слушаю.

– Это всего лишь догадки.

– Выкладывай.

– Пару дней назад журнал «Ах» проводил светский праздник: на благотворительном аукционе продавали рисунки малышей. Добрые папеньки выложили немалые денежки, вы-

купая творчество дочек и сыновей. Собрали изрядную сумму, которая пошла на лечение детей с больным сердцем. Надеюсь, деньги и впрямь достались тем, кто в них нуждается, а не осели в карманах организаторов. Так вот. Варьки среди участниц аукциона не было, хотя картина ее демонстрировалась. Лиза, которая там блистала, заявила, что дочь подхватила ветрянку.

– На мой взгляд, ничего странного, это распространенное детское заболевание, – осторожно заметила я.

– Ха! Ветряной оспой два раза не болеют!

– Не понимаю!

Аморади понизила голос до свистящего шепота.

– В прошлом году я отдыхала в Тунисе. Так себе курорт. Жила в трехзвездочном отеле, он стоял на левом берегу аквапарка, а на правом была более дорогая гостиница, но тоже не фонтан. Детей полно, орут, визжат, место на лежаке надо с шести утра занимать. Но нам, бедным преподавателям, к такому не привыкать.

Я чуть отодвинула от уха трубку: пластик нагрелся от долгой болтовни, а Рита продолжала вещать.

Глава 7

Устав от шума на берегу, Рита пошла искупаться, а когда вернулась к своему лежаку, обнаружила, что он занят девочкой, по виду школьницей младших классов. Тело ее было покрыто прыщами, полотенце Аморади и ее сумка валялись на песке.

– Деточка! – возмутилась Рита. – Немедленно встань!

Девочка даже не шевельнулась, Аморади ее толкнула.

– А-а-а! – заорала та.

– Как вы смеете! – завизжала сзади женщина. – Отвяжитесь от крошки!

– Она сбросила мои вещи, – начала Рита, повернулась и тоже взвизгнула: – Светка! Лукашина!

– Я, – с неохотой откликнулась бывшая любовница Гинзбурга. – Ты что здесь делаешь?

– Отдыхаю, – засмеялась Аморади. – А ты?

– Аналогично, – ответила Света.

– Откуда у тебя ребенок? – не утерпела Рита и тут же покривила душой. – Очень милая девочка, только она лежаки перепутала!

Светлана моргнула.

– Это Варя, дочь Юры и Лизы Гинзбург.

– Да ну? – поразились Рита.

– Она заболела ветрянкой, – пояснила Светлана. – Юра с

Лизаветой испугались, их в детстве инфекция миновала, ну и попросили меня Варьку увезти, ей солнце полезно.

– Странно, что они дочь на третьесортный курорт отправили, – пробормотала Рита.

Светлана села на песок.

– Торопились очень, горящие путевки схватили, в один день нас собрали.

– Что же няню не послали? – продолжала изумляться Аморади.

– Она за неделю до болезни Вари уволилась, новую пока не нашли, – объяснила Света.

– А ты, значит, вместо воспитательницы? – съехидничала Рита.

– Надо же друзьям помочь, – без налета агрессии сообщила Светка, – и на море хотелось смотаться, да у меня сейчас с деньгами туго. А тут прекрасный вариант – за счет Гинзбурга отдохнуть.

– Хочу колу, – заявила Варя.

– Солнышко, – засюсюкала Света, – тебе нельзя.

– Купи, – нахмурилась девочка.

– Нет, – твердо ответила Света, – врач запретил. Могу принести апельсиновый сок, свежавыжатый.

– Залей его себе в задницу, – заорала малышка. – Я буду пить только колу. Не хочешь принести, сама пойду, но потом папе расскажу, как ты за мной ухаживала! Давай кошелек!

– Варечка, смотри, включили самую большую горку, – Лу-

кашина попыталась отвлечь внимание нахалки.

Но девочка встала и заявила:

– Деньги мои, что хочу, то и покупаю! Или отдавай валюту, или плохо будет!

Света протянула ей портмоне, Варвара выхватила его, показала Лукашиной язык, сделала несколько шагов, затем остановилась, обернулась и ткнула пальцем в Риту:

– У меня память как фотоаппарат! Один раз увижу и не забуду! Вернусь в Москву, расскажу папе, как ты меня с лежака скинула! Пнула! Наорала! Папа тебя накажет! Светка, как ее фамилия?

Лукашина заморгала.

– Хорошо, – процедила Варвара, – я все равно узнаю, а вас обеих папа из музыки выгонит! Даже в подземный переход пиликать не возьмут! Я скоро вернусь! Не хотите неприятностей, придется извиняться!

Высказавшись, исчадие ада бодрым шагом направилось к киоску, где торговали прохладительными напитками.

– Сколько ей лет? – спросила пораженная Рита.

– Девять, – мрачно ответила Света.

– Ну и ну, – пробормотала Аморади, – вроде у Гинзбурга семья приличная.

– Варя больна, – решила оправдать подопечную Лукашина, – температура высокая.

– И ты ее на пляж привела? – запоздало удивилась Рита.

– Педиатр сказал, что солнечные лучи благотворно дей-

ствуют на сыпь, – пояснила Света.

– Ну ладно, – увидав, что Варя возвращается, Рита свернула беседу. – Удачи тебе и хорошего отдыха.

Следующие дни Аморади провела на пляже чужого отеля. Меньше всего ей хотелось снова пересечься с Варей.

– Вот какие люди бывают, – шипела сейчас Рита. – За свое здоровье испугались и отослали больную дочь подальше, на солнышко, но о других детях и не подумали. Варька – ходячая зараза! Сколько малышей из-за нее домой из Туниса ветрянку привезли! Понимаешь теперь? Два раза этой гадостью не болеют, вырабатывается стойкий иммунитет, практически на всю жизнь!

– Ну и что? Не вижу ничего странного, – заметила я.

– Лизка Варьку на самую пафосную детскую тусовку не привела, выдумала, что у нее ветрянка, почему?

– Объяснений много! Девочку наконец-то решили наказать и лишили праздника, – предположила я.

– Зачем про болезнь заливать?

– Не захотели сообщать правду окружающим, мало кому нравится посвящать посторонних в семейные проблемы.

– Лизка ради лицезрения собственной морды на глянце готова на все, – фыркнула Рита. – Под Новый год Варвара ногу на катке подвернула, она с мамулей тогда участвовала в забаве «Лед в парке». Знаменитости всякие катались, их журналисты снимали. Лиза с Варей взялись за руки и начали из себя олимпийских чемпионок изображать, но получилось

плохо, обе упали. Лизка нормально встала, а у Вари колено в подушку прямо на глазах превратилось. И как поступила заботливая мать?

– Схватила ребенка в охапку и помчалась к врачу?

– Не угадала! – взвизгнула, забыв об осторожности, Рита. – Она ее на скамейку посадила и сказала: «Сиди тихо. Сейчас приедет телевидение, снимет нас, и мы отправимся в больницу». Для Лизы пиар всего важнее. А на вечеринке «Ах» Гинзбург-младшей не было. Тут что-то не так.

– Что?

– Не знаю, – понизила голос Аморади, – думаю... она давно пропала... вот почему на тусу не пришла... Можно по журналам проверить.

– Как? – не поняла я.

– Боже! Элементарно! Берешь, допустим, «Старз», он ежедневный, и смотришь снимки, они там про все вечеринки сообщают. Сразу ясно станет: когда Лиза веселиться перестала, тогда что-то и случилось.

– Здравая мысль, – протянула я. – Кстати, у тебя есть координаты Светы?

– Лукашиной? Естественно. Сейчас... где он... вот! И мобильный, и домашний, и рабочий, звони с утра до вечера, все сообщу, – сказала Рита, страшно довольная, что я перестала интересоваться Варей.

Сотовый Светланы не отвечал, к домашнему телефону тоже никто не подходил, а по рабочему откликнулась бойкая

женщина:

– Продюсерский центр.

– Здравствуйте, – сказала я, – позовите Лукашину.

– Света, – заорали в трубке, – эй! Кто-нибудь видел Светку? Люди! Найдите Лукашину! Ее к телефону... Светка! Ау! Она не пришла пока, будет через час.

Последняя фраза относилась ко мне.

– Спасибо, а как к вам проехать? – спросила я.

Тетка, как пулемет, оттарабанила адрес.

– Светлана обязательно приедет? – решила уточнить я.

– Конечно, – заверили на том конце провода, – она всегда здесь!

Я быстро оделась, вышла из спальни и услышала басовитое:

– Хозяйка!

От неожиданности я вскрикнула:

– Ой! – Потом повернулась и увидела Амару, одетого, как и вчера, в идиотский красный костюм с золотыми пуговицами.

– Хозяйка, – повторил он.

– Что случилось? – напряглась я.

– Яйца! – закатил карие глаза парень. – Яйца! Вы о них знаете? Откуда они берутся?

– Из курицы, – растерялась я.

– А где живут куры?

– Во дворе, в сарае, – изумилась я, – или на птицефабрике.

– Понял, – кивнул Амара и испарился.

Я постояла пару секунд, спустилась по лестнице и снова услышала:

– Хозяйка!

– Ну?

– Во дворе нет сараев, – улыбаясь, заявил домработник, – и кур не видно.

– Мы не разводим птицу, – ошарашенно ответила я.

– А где же яйца взять? – заморгал Амара. – Вы сами сказали про кур!

Я уставилась на юношу, он, чуть приоткрыв рот, преданно смотрел мне в глаза, и тут до меня дошло, что временная прислуга... как бы это помягче выразиться, чтобы не обидеть...

– Ты идиот? – вырвалось у меня. – Ой, прости! Ищешь яйца? Хочешь сделать завтрак?

Амара кивнул.

– Да, да. Кролик велела быстро состряпать! Она приказала: «Что-нибудь по твоему вкусу», значит, яйца, а где их найти?

– В холодильнике.

– Там нет.

– Загляни в кладовку, Ира всегда держит про запас пару десятков.

– Понял, – кивнул Амара. – Вам сварить?

– Одно яйцо, – сказала я.

– Еще паштет, – заявил Амара, – этот толстый просит его к гренкам... Я все облазил. Не нашел.

– В шкафчике под кофемашиной есть банки, тебе нужна та, на которой написано «Патэ» и нарисована свинка.

– Понял, – затряс кудрявой головой Амара и убежал.

Минут через пятнадцать домашние уселись за стол, Амара внес блюдо, на котором лежало штук десять яиц, и торжественно водрузил его на стол, объявив:

– Горячая еда, пожалуйста.

– Очень мило, – приободрила я парня, схватила одно яйцо, поместила его в подставку и постучала ложкой по верхушке.

Скорлупа не дрогнула.

– Похоже, курам стали давать кальций в таблетках, – заметил Кеша, тоже безуспешно пытавшийся разбить скорлупу.

– Странные какие, – удивилась Маша, – не кокаются.

– Где мой паштет? – зашумел Дегтярев, входя в столовую. – Фу! Яйца! У меня от них изжога!

– И тебе приятного аппетита, – сказал Кеша. – Между прочим, моя печень приходит в ужас, глядя на твой жирный паштет!

– Печень не имеет глаз, – авторитетно заявила Маша. – Этот орган является непарным, он расположен в...

– Лучше без подробностей, – живо остановила я девочку и принялась изо всей силы бить по яйцу ложкой.

– Хочу паштета, – раскапризничался Александр Михай-

ЛОВИЧ.

– Он здесь, – Амара ткнул пальцем в никелированную миску.

Я подавила улыбку. Парень старается изо всех сил, он учел мою просьбу говорить как можно меньше и обходится минимальным набором слов. А то, что Амара положил любимую еду полковника в миску, которой пользуется кошка Клеопатра, это пустяки. Клепа не обидится, она хорошо воспитана, а полковник не поймет, в чем паштет. Надо будет потом объяснить Амаре про разделение посуды на «человеческую» и «животную».

– Что-то вкус странный, – отметил Дегтярев, кусая бутерброд.

– Свинья, – гаркнул домработник.

Полковник уронил хлеб, намазанный толстым слоем паштета.

– Кто? – растерялся он.

– На банке свинья, – телеграфным стилем ответил Амара, – этикетка. Рисунок. Патэ. Все точно.

– Интересно, если я брошу яйцо на пол, оно треснет? – обозлилась Зайка.

– Можно попробовать, – оживилась Маня.

Я, тоже безуспешно боровшаяся с яйцом, не успела сказать «стой», как Манюня вскочила и швырнула «куриную икру» на плитку. Яйцо подпрыгнуло и укатилось. Жюли, решив, что ей купили новую игрушку, со счастливым визгом

нырнула под сервант и выкатила абсолютно целое яйцо.

– Прикольно! – поразился Аркадий. – Интересненько, ну-ка...

Второе яйцо, упав на пол, тоже осталось целым. Радости Жюли не было предела, количество ее любимых мячиков резко увеличивалось.

– Дай сюда, – прокрихтел полковник и схватил стоявшую передо мною подставку, – вы хотели слопать ЭТО? Не поняли, что завтрак из пластика?

Маша и Кеша переглянулись, Зайка вперила взгляд в Амару.

– Ты решил пошутить? – зловещим тоном осведомилась она. – Здорово! Мы повеселились! А теперь неси настоящие яйца.

– Я думал, это куриные, – замямлил домработник. – Простите... я не хотел.

– Где ты их взял? – спросила Маша.

– В кладовке, на полке среди лампочек, хозяйка подсказала! – Парень решил спрятаться за меня.

– Это остатки муляжей для пасхальной росписи, – осенило меня. – Ну конечно! Я сама купила их ранней весной, потому что не хотела варить в луковой шелухе настоящие. Их потом никто не ест, продукты пропадают. Очень обрадовалась, когда увидела в супермаркете эрзац, а к нему коробочку с красками! Ирка разрисовала один десяток, а второй оставила про запас!

– Ловко, – ухмыльнулась Зайка. – Ты решила подшутить над Амарой, а он купился. Но сегодня не первое апреля! Я хочу есть!

– И в мыслях у меня не было над вами издеваться! – попыталась я оправдаться. – Он спросил, я ответила, Амара сам перепутал.

– Поеду на работу голодной, – с мученическим видом протянула Ольга.

Амара испугался, сложил молитвенно руки, потом заорал густым басом:

– Кролик! Простите! Милый кролик! Не ругайте меня! Дорогой кролик! Извините! Более это не повторится! Ласковый кролик!

С каждым новым восклицанием глаза Зайки делались все круглее, Кеша с Машей потихонечку сползли под стол, один только Дегтярев как ни в чем не бывало продолжал бодро выковыривать паштет из кошкиной миски: ничто так не отвлекает полковника от реальности, как вкусная еда.

– Кролик! – всхлипнул в последний раз Амара. – Только не выгоняйте меня!

В столовой повисла тишина, нарушаемая только чавканьем Александра Михайловича. Я лишний раз удивилась экстрасенсорным способностям собак. Только что Жюли бойко катала по полу муляжи яиц, а остальные псы преданно смотрели на полковника в надежде, что он уронит на пол кусочек паштета. Но при первом стоне Амары про кролика все

четвероногие испарились, даже глухая и почти слепая пуделиха Черри резво прогалопировала прочь. Говорят, у большинства японцев дома есть аквариумы, жители Страны восходящего солнца наблюдают за поведением рыбок и, если те начинают вести себя непривычно, понимают – скоро будет землетрясение. А наши собачки чуют приближение скандала и заранее смазывают лапы салом, чтобы не очутиться в его эпицентре.

Зая покраснела, выпрямилась во весь свой не особо большой рост, набрала полную грудь воздуха...

– Солнышко, – ласково сказал Аркадий, – мы же воспитывались в советские времена, читали книги о плохих белых плантаторах, которые убивали бедных рабов-негров! И глубоко осуждали рабовладельцев.

Ольга с шумом выдохнула и вылетела в холл.

– Ну я пошел, – весело сказал Кеша. – Медаль «Укротитель тигров» первой степени прошу вручить мне вечером, во время торжественной линейки.

– Довези меня до метро, – воскликнула Маня и ринулась за братом.

– Паштет суховат, – заметил Дегтярев, – покажи банку!

Амара мухой сносился на кухню и поставил перед полковником пустую жестянку.

– Вот, – ткнул он пальцем в картинку, – свинья.

Я заморгала.

– Так и знал, – кивнул Дегтярев, – купили другой сорт. Я

всегда ел из красной упаковки, а эта бело-синяя. Ну ничего!

– Вы сердитесь! – опять ужаснулся Амара.

– Нет.

– Совсем?

– Конечно!

– Простите.

– Ты не виноват.

– Извините.

– Я не злюсь, – повысил голос толстяк.

– Ой! Вы нервничаете, – прошептал Амара.

– Нет!!! – завопил Дегтярев.

– Простите.

– Хорошо!!! – рывкнул толстяк. – Замолчи!

– Смерть пришла, – обморочным голосом заявил Амара, – можно, я водички перед кончиной хлебну?

Я, не в силах сказать ни слова, кивнула.

Домработник поплелся к раковине, Дегтярев вытер лысину салфеткой.

– Где ты взяла это чудо болотное? – спросил он.

– В агентстве «Подруга», – честно ответила я.

– Объясни ему, что у меня тихий, интеллигентный нрав, и я не собираюсь расстреливать его из-за перепутанных упаковок, – заорал полковник. – Донеси сию информацию до его мозга, запихни туда, утрамбуй и... и...

Я быстро подала приятелю стакан воды, Александр Михайлович залпом выпил и сказал:

– Ты совершила ошибку. Нужно было сначала объяснить Амаре, ху из ху в нашем доме, а уж потом требовать от него безупречной службы.

Глава 8

Домработника я нашла у разделочного столика.

– Амара, – окликнула я его.

– Что, хозяйка? – подпрыгнул парень.

– Зови меня просто Даша, понял?

– Да, хозяйка!

– Амара!

– Что, хозяйка?

– Меня зовут Дарья! Но лучше Даша!

– Да, хозяйка, – покорно кивнул юноша.

У меня зачесались руки, но тут я вспомнила слова Кеши о белых плантаторах и, навесив на лицо широкую улыбку, сказала:

– Каждый человек совершает ошибки.

– Да, хозяйка.

– Когда я пришла преподавать на кафедру, на первом своем экзамене поставила «двойку» любимой внучке ректора. Оцениваешь, какой промах я допустила?

– Да, хозяйка.

– Прекрати звать меня «хозяйка»!

– Но вы же хозяйка! – чуть не заплакал Амара. – Меня предупредили, объяснили, велели быть очень почтительным, не мешать, не болтать, мыться каждый день...

Я потрясла головой.

– Что ж, тебе дали совсем неплохие советы. Человек, который регулярно принимает душ, держит язык за зубами и старательно выполняет просьбы нанимателя, имеет все шансы сделать карьеру. Начнет простым домработником, потом станет дворецким, понимаешь?

– Да, хозяйка, – закивал Амара, – все правильно говорите, хозяйка, йес, хозяйка!

– А теперь запомни! Ольгу дома зовут Зайка! Ни в коем случае не называй ее словом «Кролик».

– Да, хозяйка.

– Полковник Дегтярев обожает поесть, он не капризен, уничтожает любые продукты, но подавать ему к завтраку собачьи консервы не стоит! И не клади больше еду в кошачью миску! В принципе очень просто понять, какая посуда для людей, а какая для животных. Наша сделана из фарфора, а та, что для кисок и собак, – из блестящей стали. Никогда ее не бери, если собрался угощать членов нашей семьи!

– Вы сказали... банка со свиньей... – залепетал Амара. – Я вынул... просмотрел... там одни банки с нарисованными поросятами... штук сто...

Я постаралась не рассмеяться.

– На этикетке изображен мопс! Приглядишь!

Амара покорно взял жестянку.

– Это свинья! Хвост крючком, нос пяточком!

– Мопс, – уперлась я, – у Хуча тоже закрученный хвостик, и то, что ты принял за пяточок, просто морда!

– Она черная!

– Верно, – закивала я, – окрас называется «маска», отличительный признак мопса.

– Я думал, это грязная свинская морда, – пояснил Амара. – Ну вылитый хряк! А черный, потому что извозился.

– Не все черное – грязное, – заявила я и прикусила язык. Сейчас Амара почувствует себя оскорбленным. Но он отреагировал на мое заявление иначе:

– Я видел мини-пигов, они вылитый Хуч!

– Правило номер три! Никогда не говори этого при Маше! Подведем итог: еда на кухне, там же вся посуда, металлическую не бери. Зайка не кролик! Хуч не свинья! Собачьи консервы в левом нижнем ящике, паштет полковника справа, Маша не пьет молоко, Кеша не любит рыбу, Ольга не приронется к хлебу. Утюг в гардеробной. Стиральная машина там же. На письменном столе у Кеши ничего переставлять нельзя! Понял?

– Да, хозяйка, – в полном ужасе прошептал Амара. – Йес, хозяйка, только не выгоняйте меня, хозяйка! Очень прошу! Запишу ваши указания! Выучу!

Наверное, я слишком загрузила юношу информацией.

– Амара, слушай. Можешь забыть все ранее сказанное. Главное: никогда не зови Зайку Кроликом! До сих пор не могу понять, каким образом ты сегодня остался жив.

– Ей не нравится именно «Кролик»? – неожиданно уточнил Амара.

– Тонко подмечено, – кивнула я. – Обратись ты к ней, допустим, «черепашка», Ольга бы просто посмеялась, но «кролик» – это нож в сердце!

– О'кей, хозяйка! – прижал руки к груди Амара. – Понял, хозяйка.

– Отлично, – улыбнулась я. – Ты молодец, прекрасно справляешься с работой. Сейчас убери со стола, помой посуду и займись спальнями. Я вернусь, очевидно, поздно. Ты сумеешь покормить собак? Надо открыть банку, положить содержимое в миски, размять вилкой и поставить на пол.

– Да, хозяйка, йес, хозяйка! – завел свой припев Амара.

Я, стараясь выглядеть приветливой, помахала ему рукой и пошла в холл. Конечно, Ирка бессовестная лентяйка, но она отлично знает, где что лежит, не угощает полковника лечебным кормом для ожиревших мопсов и помнит, как кого из нас зовут.

– Он дурак, – вдруг сказала Саша, выходя следом за мной, – полный идиот! Зачем брать на работу кретина? Хотите, я научу вашего негра уму-разуму?

Я открыла шкафчик, вытащила розовые балетки и ответила:

– Просто Амара неопытный, зато старательный. Опять надел свою идиотскую форму с золотыми пуговицами. Спасибо тебе за предложение, но лучше отдыхай, делай что хочешь! С хозяйством возиться не надо.

Саша обрадовалась.

– Супер! Аркадий обещал подвезти меня в город! Я правда могу делать что хочу?

– Конечно, – кивнула я.

Девушка вышла во двор, я быстро вернулась на кухню и сказала:

– Амара!

– Да, хозяйка.

– Я не настаиваю на обязательном ношении формы!

– Не понял, хозяйка!

– Если тебе неудобно в камзоле, спокойно можешь надеть другую одежду! Главное, чтобы она была чистой!

Лицо Амары вытянулось.

– Это плохой сюртук?

– Очень хороший!

– Вам не понравился? Он лучший из всего моего гардероба... мне сказали... надо самое красивое... шикарное...

– Замечательная вещь, – согласилась я, – но узковатая. Жаркая. Оденься попроще, тяжело весь день рассекать в униформе. Ира носит джинсы и футболку. У тебя есть такие вещи?

– Да, хозяйка.

– Вот и замечательно, спокойно их носи.

– Да, хозяйка!

Неожиданно у меня началась мигрень. Я вернулась в прихожую, взяла ключи от машины и вышла во двор. Может, позвонить в агентство и попросить поменять парня на обыч-

ную девушку, украинку, допустим? Но в ту же секунду я выбросила эту мысль из головы. Представила, как буду выглядеть, заявив администратору:

– Мне не нравится Амара!

Сотрудник фирмы непременно спросит:

– Чем он вам не угодил?

А я отвечу:

– Хочу взять в прислуги женщину с белым цветом кожи.

И что обо мне подумают в «Подруге»? Что мадам Васильева отпетая расистка! Ладно, потерпим месячишко, и потом, Амара только приступил к исполнению обязанностей, первый день в чужом доме, конечно, он все путает...

– Тебя Аркадий довезет? – спросила я у Саши, сидевшей во дворе на скамейке.

– Ага, – кивнула она, – через четверть часика двинем, он доставит меня до метро.

– Разберешься в переходах?

– Конечно, – засмеялась Мироненко.

– У тебя есть деньги?

Саша замялась, я вытащила кошелек, отсчитала несколько купюр и спросила:

– Когда думаешь вернуться?

– Не волнуйтесь. Отлично доберусь назад, сяду на маршрутку от «Тушинской».

– Если заплутаешь, звони, – сказала я.

Саша помахала мне рукой. Я села в машину и посмотрела

на девушку в зеркало. Не знаю, каковы ее голосовые данные, но внешность у нее для сцены подходящая. Правда, начинающая певица очень маленького роста, но стройная, с длинными густыми волосами, и походка у нее как у балерины.

Отчего-то у меня дрожали пальцы, аккуратно нажать на кнопку брелока, который открывает ворота поселка, я не смогла.

Из будки высунулся охранник.

– Дарь Иванна! – закричал он.

– Что? – спросила я.

– Вам письмо, курьер принес, – сказал парень. – Лежит у нас с утра. Обычно Ирина за почтой приходит, но сегодня не явилась! Она не заболела?

– В отпуск уехала, – пояснила я, забирая конверт.

При виде послания руки затряслись еще сильнее. «Дарье Васильевой, Ложкино» – было выведено на конверте.

Отъехав километр от поселка, я припарковалась у обочины, вскрыла конверт и вытащила листок с текстом. Похоже, это был отрывок из рукописи Благородного.

«Прежде чем окончательно привести себя в порядок, Светлана побежала в пиццерию. Владимир обожает лепешки, сдобренные сыром, жалкий фастфуд бедняков, дешевое лакомство плебеев. Но ведь он скоро придет, а Светлана хотела рассказать Владимиру Мерзкому о своих чувствах. Слова не шли из горла, лучше всего было, протянув ему пиццу, сказать:

– Дорогой, ты много сделал ради нашего счастья. Но теперь, когда Барбара убита, можешь вздохнуть спокойно. Мсть свершилась, ты опишешь ее в своей книге. Барбаре следовало умереть, ее аура, смешавшись с чистыми помыслами, посветлела. И это не убийство, нет, это спасение грязной души избалованной девчонки, дочери жадного волка продюсера. Ты совершил благое дело, это так же верно, как то, что меня зовут Светлана Лукашина.

Пицца, простая пицца, купленная за углом дома, значила для Мерзкого много, и она стала бы поминальной трапезой по Барбаре.

Светлана вошла в зал, кассирша вдруг спросила...»

Текст оборвался, у меня закружилась голова. Владимир убил Барбару. На странице указана фамилия мужчины, но это либо прозвище, либо фантазия графомана, маловероятно, что в Москве найдется хоть один человек с фамилией Мерзкий. Еще здесь идет речь о Светлане Лукашиной, пицце и какой-то кассирше...

Я схватилась за руль и нажала на педаль газа.

В продюсерском центре кипела работа, по коридорам носились шумные люди, у каждого в руке по три телефона. Никакого рецепшен тут не было, поэтому я толкнула первую дверь и чуть не задохнулась. В маленьком помещении клубился дым, на крохотном диванчике сидела тощая девица, размалеванная, как ярмарочная матрешка, в зубах у нее была зажата сигара, источавшая жуткий смрад. На подоконни-

ке, болтая ногами, устроился парень в грязных джинсах.

– Выпускай дым красиво! – раздраженно сказал он. – Изобрази на морде удовольствие. Ты наслаждаешься!

– Больше не хочу, – канючила девушка.

– Надо, киса, надо!

– Меня тошнит!

– Учись! Сигара необходима для имиджа, она твоя фишка. Вам кого?

Я, едва сдерживая кашель, спросила:

– Подскажите, где найти Свету Лукашину?

Парень уставился на курильщицу.

– Ты Лукашина?

– Нет, – застонала несчастная и схватилась за горло, – моя фамилия Колпакова.

– Забудь ее, – посоветовал ей парень, – навсегда! Представляйся «Алмаза». Ну, раз, два, три, сигарка, дыми!

– Жесть, – скривилась Алмаза, – я сейчас умру.

– Что еще? – нахмурился парень, исподлбья глядя на меня.

– Ищу Лукашину, – повторила я.

– Она не она, и я не она! Что еще?

– Ничего, – пожала я плечами, – вашей подопечной сейчас станет плохо! Похоже, ее тошнит!

– Разберемся сами, идите по своим делам, – схамил юноша.

Я отправилась бродить по коридорам, вошла в другую

комнату и на этот раз увидела даму, обвешанную браслетами, бусами, кожаными шнурками и разноцветными фенечками.

– Помогите мне, пожалуйста, найти Лукашину, – попросила я.

Мадам, звякнув бесчисленными подвесками, полистала свои записи.

– Ее нет в списках, – ответила она, не поднимая головы.

– А когда будет? – растерялась я.

– Понятия не имею.

– Может, подскажете, в какой комнате находится рабочее место Светланы? – смиренно попросила я.

Дама наконец-то соизволила посмотреть на посетительницу. Она обвела меня взглядом, задержалась на серьгах, часах и, очевидно, сделав некие подсчеты, расплылась в улыбке.

– Садитесь! Тут с этим конкурсом голова кругом идет. Люди невозможны! Объясняешь им: отбор производит комиссия! Нет, лезут сюда! Юрия довели до трясучки. Небось он сто раз пожалел, что ввязался в это дело. Вы хотите побеседовать о девочке Лукашиной?

Я на секунду заколебалась, по словам Риты, Светлана была любовницей Гинзбурга с самым длинным стажем. Вряд ли ее можно назвать девочкой! Но, с другой стороны, Лукашина и не мальчик!

– Да, – кивнула я, – очень хочу ее разыскать, но здесь творится нечто невообразимое. У вас всегда так?

– Почти, – согласилась дама, – но я никак не пойму: Лукашина ваше протезе или...

– Мэри, – заорал визгливый голос. – Мэри, папа приехал! Дама подскочила над креслом.

– Скажи ему, что я уже в зале. Вот, держите!

Сунув мне в руки визитную карточку, женщина быстро вытолкала меня в коридор и резво побежала к группе людей, облаченных в грязные джинсы.

Я машинально посмотрела на визитку. «Мэри Амбарцумян. Координатор проекта „Старт звезды“ на канале „КТК“.

В голове стало проясняться. Понятно теперь, отчего тут сумасшедший дом: идет конкурс, победители которого выйдут на большую сцену и попытаются вскарабкаться на олимп шоу-бизнеса.

– Лукашина не пришла, – заорала в рацию толстенная, похожая на свежее выпеченную булочку блондинка, одетая в рабочую униформу – замызганные синие штаны из корабельной парусины. – Блин! Вот сука! Опять запила!

Я схватила «булочку» за рукав.

– Вы знаете, где Лукашина?

Толстушка моргнула раз, другой, третий, потом на ее лице появилось осмысленное выражение.

– Кто? – с недоумением спросила она.

– Я ищу Светлану Лукашину!

– Пресса? Газета? Глянец?

– Нет. Я не имею никакого отношения к печатным изда-

ниям, как, впрочем, и к радио вкупе с телевидением. Видите ли, Лукашина вела со мной переговоры о продюсировании девочки... э... Саши Мироненко.

«Пончик» посмотрела в блокнот.

– Мироненко нет в списках.

– Ой, правда? Я ее представитель и...

– Мы не работаем с посторонними, – перебила меня пампушка.

– Извините, наверное, я не так выразилась. Я не имею никакого отношения к шоу-бизнесу, владею мебельным салоном, – я на ходу придумала себе новую биографию.

– Супер, – обрадовалась пампушка, – меня зовут Ксю, я как раз квартиру обставляю! Скидки делаете?

– Непременно побеседуем с вами на тему скидок, – пообещала я, – но сейчас я озабочена поиском Светланы. Она собирается раскрутить Сашу, я готова вложить деньги в Мироненко.

В глазах Ксю мелькнул злой огонек.

– Стебно, – скривилась она, – Светусик лезет вверх! Не верьте ей. Кто вас надоумил связаться с этой алкоголичкой?

– Света пьет?

– Аки лошадь, – Ксю потерла руки, – она запойная. Может пропасть на неделю, потом является, рожа помятая, глаза, как у панды, в черных кругах, шатается, мятной жвачкой от нее за километр разит! Давайте пойдем ко мне, побеседуем спокойно. Вашей девочке сколько лет? Моложе пятнадцати

мы не берем, и...

– Вы не дадите мне адрес Светы? – беззастенчиво перебила я Ксю.

Пампушка нежно заулыбалась.

– Забудьте Лукашину! Вам повезло, что встретили меня. Я, в отличие от Светки, человек дела, готова сразу четко обозначить бюджет и...

– Мне очень нужны координаты Лукашиной, – стояла я на своем.

– Ну елы-палы, – Ксю хлопнула себя рукой по бедру. – Хотите девочку в нормальные руки пристроить или нет?

– Сделать из Саши звезду – мечта всей моей жизни, – с жаром заверила я. – Дайте адрес Светы!

Ксю закатила глаза.

– Тебя как зовут?

– Даша, – представилась я.

– А я думала, ты Фрося из Урюпинска, – ухмыльнулась Ксю. – Сколько можно повторять одно и то же? Лукашина – этодохлый номер, ее тут из милости держат, давно бы выперли, но... впрочем, неважно! Пошли!

– Светлане уже заплачена определенная сумма, – кисло «призналась» я. – Ерунда, конечно, двадцать тысяч евро.

– Скока? – вытаращила глаза Ксю.

– Чуть-чуть, – подтвердила я. – Света сказала: надо отборочную комиссию подмазать, но Саши-то в списках нет.

– Нормально! – подпрыгнула Ксю. – Ты просто так бабки

отдала? Без договора?

– Разве на взятки его можно оформить? – Я прикинулась клинической душой.

– Нет, ты точно Фрося из Урюпинска. – Ксю даже покраснела. – Так дела не танцуют.

– Хочу получить деньги назад.

– Кто бы сомневался, но фиг у тебя это выйдет, – деловито заявила девица. – Даже если ты расписку с нее взяла, все равно гнилой вариант! По секрету скажу, и договор не всегда спасает. Поэтому надо обращаться только к проверенным людям.

– Таким, как вы, – не утерпела я.

Ксю кивнула.

– Конечно! О Ксении Гинзбург никто плохого слова не скажет.

– Вы родственница Юрия? Известного композитора?

Ксю взяла меня под руку.

– Вот была бы я мошенницей, сунула бы тебе сейчас под нос свой паспорт и запела: «Я Юрию двоюродная племянница». Но, повторяю, я никого не обманываю, а всем, кто задаст этот вопрос, отвечаю правду: «Мы однофамильцы, Гинзбургов на свете много». Ой, тут такой прикол был. С Лизой, женой Юрия! Представляешь, приходит она в центр! Вся такая модная! Платье от дизайнера, шелковое, видно, дорогое! Туфли в комплекте! Фу-ты ну ты! Рассекает по коридору в шлейфе духов, ищет мужа. А у нас справа центр, а слева вход

на канал «КТК», мы в одном здании сидим, вместе работаем. Я гляжу, Елизавета чешет по коридору, а навстречу ей Светка Лукашина. Ха-ха-ха!

– И что тут смешного? – не поняла я.

Ксю затряслась от хохота.

– Так на Лукашке точь-в-точь такой прикид, как на мадам Гинзбург! Цвет! Фасон! Туфли! Но только Лизка свою обновку в бутике за тысячи евриков купила, а Светка на рынке за копейки. Дешевый самоострок, но издали не отличить. Наши бабы стали ржать. Светка живо смылась, а Лиза нос задрала и мне цедит:

– Ксения, увидите Юрия, немедленно ему скажите: жена в машине у входа ждет, он мне срочно нужен!

Раскомандовалась! Ишь! Я ей кивнула и по своим делам ушла. Наши про эти платья до сих пор сплетничают! И ржут! Ладно, хорош без дела языками трясти. Я вообще-то сплетни не распространяю, о коллегах, даже безответственных пьяницах, не судачу. Если решишь по-настоящему продвинуть протеже, обращайся.

В моих руках оказалась еще одна визитка. «Ксения Гинзбург. Продюсер. Группы „Аэроплан“, „Тигры“, „Пусики-кисики“ и др.».

– Вы занимаетесь такими известными коллективами, – преувеличенно восхитилась я.

Ксю явно понравился мой восторг.

– Точно. Я в тени, но без меня звезда не зажжется, а та,

что горела, начнет чадить, – кокетливо ответила она, потом поднесла к губам рацию и велела: – Катька, немедленно добудь адрес Лукашиной. Мне насрать, где ты! Через три секунды я хочу иметь ее координаты.

– Жестко вы с людьми. – у меня так не получается, – я решила на всякий случай подлизаться к Гинзбург.

– Ты же сама в бизнесе, – удивилась девица. – Неужели своим работникам пряники раздаешь? У нас нельзя без втыкалова. Чуть отпустишь вожжи, на голову сядут.

– Я вот заходила в кабинет к Амбарцумян, та даже не стала со мной говорить.

– Мэри сейчас крутая, – фыркнула Ксю, – координатор! Власть почуяла, сквозь зубы цедит. Одно до нее не доходит: конкурс на полгода, потом проект закроют, и куда она денется? Пойдет работу искать, тут-то ей кривую морду припомнят: если у тебя за спиной нету мужика-депутата-бизнесмена и сама без гроша, не фиг выпендриваться. Я правильно говорю?

– Амбарцумян позвали к Юрию, – уточнила я.

– И чего? Гинзбург тут каждый день, это его шоу! Сам затеял, сам курирует.

– У него же дочь похитили!

Ксю попятилась.

– Гонишь!

– Нет, вчера в новостях объявили, по телику, сообщил тот канал, где ваше шоу идет.

– Я чертов ящик не смотрю, – пробормотала Гинзбург, – я в нем работаю, – и опять поднесла к губам рацию.

– Да, слышу... улица Бромская? Такая в Москве есть? Ага, дом шесть, квартира тоже шесть. Знаю! Вчера по телику сообщили.

Ксю сунула рацию в карман.

– Слышала?

– Спасибо, вы мне очень помогли.

– Я не про адрес! Уже слух про похищение покатился.

– А Юрий Гинзбург приехал на работу. Я бы в такой ситуации уже лежала с инфарктом.

Ксю кашлянула.

– В шоу огромные бабки заряжены. Девочка небось с мальчиком удрала. Они теперь молодые, да ранние. Надумашь свою Сашу толкать, приходи.

Рация снова запищала. Ксения схватилась за нее и, забыв со мной попрощаться, пошла по коридору, ее голос, отчитывающий очередного сотрудника, потонул в общем шуме. Я пошла на выход. Как поведет себя обычный отец, у которого украли десятилетнюю дочь? Даже если папаша не очень любит ребенка, он будет нервничать, а Юрий Гинзбург благополучно прибыл на совещание.

Глава 9

Москва давным-давно превратилась в государство. Я часто бываю во Франции и знаю о трудностях, подстерегающих парижанку, которая вышла замуж за парня из Нормандии, но все же нечто общее между Парижем и провинцией есть, а в столице России, перемещаясь с юго-запада на северо-восток, вы окажетесь в совершенно другой среде обитания. В Северном Бутове одни обычаи, в Солнцево – другие, в Орехово-Борисове – третьи. Даже одеваются люди по-разному, и подчас в Москве можно обнаружить невероятные места.

Бромская улица оказалась пустырем. Сначала я долго искала съезд со МКАД, потом очутилась в промзоне, которая протянулась на несколько километров, затем попала на шоссе, по обе стороны которого высились серые бетонные заборы, разрисованные неприличными надписями, и в конце концов вырулила на четырехугольный пустырь, в правом углу которого сиротливо маячила автобусная остановка.

Я вышла из «букашки» и прочитала на табличке, висевшей на столбе: «Улица Бромская». Вокруг не было ни души, лишь три бродячие собаки с интересом наблюдали за мной. Я снова села за руль, пересекла на машине вытоптанную площадку, увидела овраги, за ними желто-серую четырехэтажку, а еще дальше целый квартал блочных башен.

Минут пятнадцать ушло на то, чтобы сообразить, ка-

ким образом можно подъехать к зданию. В конце концов я оставила машину, пешком преодолела глубокую канаву и с огромной радостью обнаружила на стене дома нарисованную черной краской цифру «6». Оставалось лишь удивляться, куда подевались первые пять домов.

Шестая квартира была на втором этаже, я нажала на звонок, послушала, как за дверью весело разливается «соловиная» трель, и, вспомнив слова Ксю о любви Светланы к выпивке, решила повторить попытку, подняла руку и тут заметила на косяке странные темно-красные куски, похожие на пластилин. К ним прилип клочок бумажки. Я потрогала пальцем комочки и позвонила в соседнюю дверь. Та моментально отворилась, появилась девушка лет двадцати с вытравленными добела волосами.

– Че надо? – без всякой агрессии спросила она.

– Вы не знаете, где ваша соседка?

– Которая? – уточнила хозяйка.

– Светлана Лукашина.

– Она померла! – равнодушно сообщила девица.

– Когда? – ахнула я.

– Вчерась, – пожала плечами блондинка, – а че?

– Лукашина должна мне денег и...

– Тю! Она бухала, – радостно выпалила красавица. – То приличная ходит, то ужратая! Столкнешься в подъезде – не поздоровается, глаза стеклянные! А еще она тут позавчера у окна наблевала, и ее Танька шваброй охреначила! Может,

от побоев и померла! Позвонок ей Танька сломала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.